

ШОЛОХ

ДОЛИНА
КОЛОКОЛЬЧИКОВ

АНТОНИНА
КРЕЙН

СЛЕДУЙ ЗА

САПФИРОВОЙ

ЗВЕЗДОЙ

Антонина Крейн
Шолох. Долина Колокольчиков
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Шолох», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69756892
Шолох. Долина Колокольчиков: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-192751-6

Аннотация

О вознице Силграсе Авалати, что бесстрашно ведет свой кэб по горам даже в самые дождливые ночи, известно две вещи.

Во-первых, он нечеловечески красив.

Во-вторых, никогда не говорит о своём прошлом.

Именно к Силграсу в кэб садятся детективы-путешественники: обаятельная Тинави из Шолоха и энергичный Берти из Академии Бури. Они не знакомы друг с другом, но одинаково умны и помешаны на загадках...

Они думают, их ждет просто умеренно скучная дорога. Они заблуждаются.

Призраки в зеркалах, травы, что шепчут о потерянном доме, сотканные из лунного света признания и звон разбитой любви – увидев Долину Колокольчиков, никто уже не уйдет просто так.

Содержание

1. Через чертоги древних гор	6
2. Вперёд, во тьму горных дорог	16
3. Под алмазным прилавком неба	34
4. Призрачная деревня	48
5. Первый, кто был ему рад	61
6. Счастливые годы в Избе-У-Колодца	75
7. Недочеловек и заурядность	93
8. Тем временем Морган	109
9. Лианы, что сковали мои запястья	122
10. Сто колоколен Покинутого Асулена	141
11. Фиалки и лёд	161
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Антонина Крейн Шолох. Долина Колокольчиков

*Всем, кто когда-либо терял и боялся, что света
больше не будет*

© А. Крейн, текст, 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

1. Через чертоги древних гор

*Через чертоги древних гор,
Под светом ясных звёзд,
Я отведу тебя в свой дом,
Построенный из грёз...*

Старинная дэльская песня

Берти Голден-Халла

Взгляд Моргана Гарвуса полнился неодобрением.

– Тебя наверняка пришибёт камнепадом, Берти. Ты правда этого хочешь? – поинтересовался он таким тоном, что всякому стало бы ясно: Гарвус всерьёз сомневается в интеллектуальных способностях своего друга.

В ответ на это упомянутый Берти лишь лукаво прищурился. Физиономия у него была почти до неприличия довольная, а медно-красные волосы, собранные в низкий хвост, полыхали алым в лучах утреннего солнца.

– Морган, скажи сразу: сколько ещё ты придумаешь причин для того, чтобы я не уезжал? Ты уверен, что твоя идея поселиться одному тут, в центре Глобального Ничего, была такой уж хорошей, а, братишка?

Будучи красивейшим золотовласым блондином с крайне высокомерной внешностью, Морган меньше всего на свете ассоциировался с определением «братишка». Скорее, при взгляде на него вспоминались слова из серии «мой бог», «господин» и почему-то «спасите». Но Берти придерживался своего мнения на этот счёт.

– Ну и проваливай, – помолчав, махнул рукой Гарвус.

Жест получился настолько драматичным, что хоть сейчас повторяй его на большой сцене. Лицо у Моргана при этом было такое, будто Берти только что сожрал его родную мать-шку, а потом сказал: «Невкусно».

При виде этой истинной трагедии, явленной в образе друга, Бертрам Голден-Халла не выдержал и рассмеялся. Морган закатил зелёные глаза.

– Нет, серьёзно, будь осторожен, – с нажимом повторил он. – Я читал погодную сводку: с начала месяца в горах над Вратами Солнца бушуют грозы. А знаешь, к чему приводит регулярное попадание молний в скалы?

– К камнепадам. Ты повторяешься.

– Просто мне не хотелось бы через пару дней получить письмо с просьбой забрать твой расплющенный труп из морга.

– Не переживай, не получишь. До твоей глуши письмо будет идти минимум две недели.

– Очень смешно, – проворчал Гарвус, глядя на то, как Берти допивает чай и решительно встаёт из-за стола. – Как тебя

земля вообще носит, шутника такого.

Голден-Халла лишь простодушно развёл руками и подмигнул в ответ. Потом подхватил саквояж, ждущий своего часа у камина.

Гостиная в шале Моргана Гарвуса была воплощением высокогорного шика: везде дерево, камень, сливочные и карамельные тона. Лестница, ведущая на второй этаж, так и манила подняться и изучить пару спален, кабинет хозяина и библиотеку. Под лестницей пряталась дверь в так называемую «горячую» часть дома: в ванную комнату, сауну и бассейн, построенный над термальным источником.

Берти вздохнул, окидывая шале прощальным взглядом.

Уезжать не хотелось. Морган был его лучшим другом, хоть и мизантропом. Да и дом был классный. А в заколдованных горах прекрасно отдыхалось: свежий воздух, древние тайны – что ещё нужно для счастья?

– Я буду осторожен! – кивнул Берти. – А ты здесь не скучай. И обещай мне хотя бы *попробовать* поговорить с той симпатичной булочницей, Патти Вареши... Она всегда так на тебя смотрит!

– Как? – с бесстрастным лицом уточнил Гарвус.

– Эм. Ну. Позитивно.

– Я не заинтересован в отношениях.

– Да ладно тебе! Немного флирта ещё никого не убило. Иногда стоит пробовать что-то новое – это полезно для мозга и всё такое.

– Так, Голден-Халла. – Морган сурово сдвинул брови. – С каждой секундой я всё больше поражаюсь тому, что вытерпел с тобой три недели под одной крышей.

– Ага, то есть теперь тебе не жалко меня выпроваживать?.. Прекрасно! Тогда, считай, моя цель разговора о булочнице достигнута.

Они оба уже стояли у порога, а всё никак не могли наконец заткнуться и попрощаться. Вечная проблема друзей, живущих на разных концах света: сколько ни общайся при встречах, всегда будет казаться, что мало.

Наконец Берти понял, что ему действительно следует поторопиться, если он хочет затемно добраться до постоянного двора.

– Возьми, – внезапно сказал Гарвус и протянул что-то Голден-Халле, когда тот уже открыл дверь.

– Что это?

На ладони Моргана лежал красный стеклянный шарик, в глубине которого двигалось золотое свечение.

– Артефакт. Если поймёшь, что горная тропа начала водить тебя по кругу или воздух внезапно наполнился запахом мха и фиалок, активируй его, и он выведет тебя к ближайшему жилому дому. И если что – возвращайся сюда, Берти, пожалуйста. Ты можешь быть сколь угодно сильным магом и опытным детективом, но... Седые горы опасны для тех, кто путешествует в одиночестве.

– Но когда я ехал сюда, всё было хорошо, Морган.

– Вот именно – *сюда*. К ним, как новая игрушка для их недоброй магии. А сейчас ты хочешь уйти, и не факт, что горы так просто тебя отпустят.

Берти задумчиво покачал головой, перекатывая загадочный шарик между пальцами. *Коварные горы? Звучит как вызов, прах побери.*

– Если что – я вернусь, – пообещал он и крепко обнял друга на прощанье.

Тот – руки по швам – процедил что-то про «мерзейшую слащавость», но вырваться не стал и вообще, кажется, был доволен таким проявлением чувств.

Берти запрыгнул на арендованную лошадь и поехал прочь, вниз с холма, на котором стоял дом Гарвуса. Морган ещё пару минут наблюдал за ним с порога, скрестив руки на груди и опёршись плечом о дверной косяк, а когда кобылка с обернувшимся и машущим ему сыщиком скрылась в сосновом лесу, колдун элегантно поправил волосы и вернулся в дом.

– Так, – вздохнул он, взглянув на своего ворона Кори, всё утро дремавшего на жёрдочке. – Ну что, теперь точно придётся писать диссертацию.

* * *

К ночи субботы Берти прибыл во Врата Солнца – крохотный городок, свернувшийся в ложбинке между горами, из-

за чего над ним, вопреки названию, постоянно скапливались облака и тучи. (Возможно, название как раз таки было отчаянной попыткой приманить желаемое.) По плану Берти должен был переночевать здесь, а на следующее утро сесть в дилижанс, который повезёт его прочь из Норшвайна, домой.

Врата Солнца встретили сыщика отнюдь не летним холодом и ливнем.

Газеты, на которые ссылался Морган, не ввали: в округе который день не прекращались грозы. Дороги развезло, возницы из-за сырости и холода заболели один за другим, транспортный коллапс был очевиден безо всяких камнепадов.

Из-за этого в единственном на весь городок трактире, на чьей вывеске из-за дождя едва читалось название – «Кардамон и перец», – Берти обнаружил прорву гостей, несоразмерную габаритам помещения. Все столы были заняты, подавальщицы сбивались с ног, от громких разговоров гудело в ушах.

– Большинство дилижансов отменилось из-за плохой погоды, – объяснил хозяин, Шоффри, не перестававший разливать напитки: заказы поступали безостановочно. – Тем, у кого были на них билеты, приходится теперь искать места в следующих. А ведь там всё давно уже расписано: середина лета, много путешественников. Вот люди и набиваются во Врата Солнца, как сельди в бочку, уехать не могут. Для кошелька хорошо, но для нервов – так себе...

– Боюсь спросить, как у вас обстоят дела со свободными номерами, – цокнул языком Голден-Халла.

– И правильно боитесь. Нет их. Хотя приди вы на пять минут раньше, я бы нашёл один... Тут у нас двое постельцев, сблизившись на почве обстоятельств, неожиданно съехались. Кажется, теперь они уже никуда не торопятся. – Шоффри хмыкнул. – Но освободившийся номер мгновенно сняла вот та госпожа, – и трактирщик кивнул за спину Берти.

Голден-Халла обернулся, но успел увидеть только краешек лилового плаща и ногу в изящном мягком полусапожке: обскакавшая его девушка свернула за угол, к лестнице. На сапожке на тоненькой цепочке висел колокольчик, весело звякнувший в тот момент, когда незнакомка скрылась за поворотом – казалось, так он отметил победу над конкурентом в битве за комнату.

– Спи спокойно, – вроде как мило, а всё же немного зловеще пожелал Берти ей вслед.

– Давайте я провожу вас на сеновал, – Шоффри сочувственно покачал головой. – Заодно хоть свежего воздуха глотну. Хей, Чифо! Смени меня на баре!..

* * *

К утру Голден-Халла познал все муки сна на стогу сена. Солома немилосердно кололась, а также набивалась ему за пазуху, в рукава и в носки. Даже в рот, стоило сыщику зев-

нуть или вздохнуть.

– Ничего-ничего, – мужественно скрежетал зубами Берти, пытаясь устроиться и так и эдак. – Зато атмосферно.

И действительно: на сеновале очень приятно пахло, медово ипряно, по-настоящему волшебно. Нескончаемый дождь уютно барабанил по крыше, грохотала гроза. Солевой камень, принесённый хозяином трактира и источающий тепло, тихо светился убаюкивающим оранжевым цветом. Такие заколдованные глыбы соли называли *хоттами* – «горячими».

Но всё равно, когда во Вратах Солнца рассвело и Берти проснулся, он испытал огромное облегчение: пытка сеновалом закончилась.

«М-да, – подумал он философски, глядя на потолочные балки. – Теперь я буду искренне сочувствовать героям книг, которые по тем или иным причинам ночуют в таких местах».

Кое-как отряхнувшись, Голден-Халла вернулся в трактир и заказал завтрак. Зал «Кардамона и перца» постепенно заполнялся гостями-жаворонками – пугающе энергичными поутру. Они возбуждённо переговаривались, щедро посыпали традиционные норшвайнские вафли сахарной пудрой. Берти присмотрелся к обуви всех присутствующих, но ни у кого не было сапог с колокольчиками. Наверное, вчерашняя путешественница всё ещё сладко спит в своей свежей, белой, мягкой, идеальной кровати с хрустящими простынями... Её можно понять.

Не успел сыщик приступить к своему кофе, как на улице

послышался цокот копыт, встревоженные голоса и крики.

Дверь в трактир с грохотом отворилась. На пороге стоял молодой гонец в непромокаемом красном плаще, с которого на дощатый пол тотчас натекла лужа. Он сбросил капюшон, вытащил из-за пазухи свиток и рывком развернул его, чуть не порвав.

– Новости! – гаркнул он так свирепо, что все аж подпрыгнули вместе со стульями, а трактирщик Шофри чуть не уронил поднос.

– Сегодня ночью! – заорал юноша совсем уж неистово. – В горах!

Где-то вдалеке раздались такие же вопли: другой гонец радовал вестями остальных жителей городка.

– Случился! Камнепад!

– Ох! – с готовностью отозвались гости.

«Ну, Морган, зараза ты ясновидящая», – подумал Берти.

– Оба тракта, ведущие из нашего города, завалены! – гонец, сверкая глазами, драматично пошёл по залу, то и дело останавливаясь возле завтракающих путешественников и буравя их тёмным взглядом. – Согласно прогнозам, на их восстановление уйдет дюжина дней. В связи с этим все рейсы вплоть до субботнего отменяются!

На сей раз вместо дружного «ох» постояльцы выдали кое-что другое. Витиеватые словесные конструкции на самых разных наречиях взмыли под потолок и заставили гонца немножечко покраснеть, а молоко в чашках свернуться.

– Это всё. Приятного отдыха во Вратах Солнца! – мрачно подытожил юноша и поскорее сбежал из трактира, настроение в котором теперь едва ли можно было назвать радужным.

Пока гости крыли судьбу на чём свет стоит, Берти спокойно допил кофе и пошёл обратно на улицу.

Может, тракты и завалены, но ведь наверняка существуют какие-нибудь извилистые горные тропки, облюбованные местными. Тайные ходы в скалах. На крайний случай – древние великаны лестницы, о которых он прочитал в путеводителе...

В общем, как и в девяноста девяти процентах жизненных перипетий, выход точно есть, и не один – надо просто как следует поискать.

И Берти занялся поисками. Ибо перспектива провести дюжину ночей на сеновале воистину устрасала.

2. Вперёд, во тьму горных дорог

Важно: заложить в бюджет премию для Старшего Ловчего Польни из Дома Внемлющих.

Причина: сотрудника ждёт работа под прикрытием в форте Чернолесья. Подробности у мастера Авена Карлинана.

Из записок счетовода Иноземного ведомства

Тина́ви из Дома Страждущих

– Ох! – сказала я, неожиданно наткнувшись на забор.

Дождь не то чтобы лил – прошивал шипящими струями всё вокруг, не позволяя толком ориентироваться. Я отошла от трактира «Кардамон и перец» всего на пятьдесят шагов, а его уже не было видно. Вытяни руку – и твои пальцы исчезнут, поглощённые низвергающейся водой. Ни неба, ни домов, ни собственных стоп, утонувших в реке, которой тут вообще-то не предполагалось.

В таких условиях для меня, чужестранки, исследование Врат Солнца превратилось в квест, изобилующий унижениями. Я поскользнулась, провалилась в чавкающую грязью яму и наконец чуть не врезалась в ездового лося, чья морда, внезапно вынырнувшая из дождя, напоминала лик зверского водяного демона. Увидев меня, лось громко всхрапнул, а я чуть

было не отдала концы.

Когда моё сердце вновь забилося, я крикнула куда-то туда, где предполагался всадник:

– Вы не подскажете, где находится двор перевозчиков? Я, кажется, заблудилась!

– Немудрено, госпожа! – отозвался невидимый мне человек. – Ливень невероятный! Вам надо продолжать идти прямо, он будет по правой стороне. Но знайте: дороги завалены, дилижансы отменены!

– Спасибо большое! Да, я слышала о последствиях камнепада!

Новость об этом разнеслась сегодня на рассвете, пока я сладко дрыхла в чудом доставшемся мне номере. К тому моменту, как я спустилась завтракать – тогда ещё довольная, улыбочиво-разморённо-отдохнувшая, – всё население трактира уже успешно погрузилось в депрессию. Я не стала присоединяться к этой панихиде над кофейными чашками. Пострадать я всегда успею; я в этом плане мастер мирового уровня; а вот сейчас лучше взять ноги в руки и поискать решение проблемы!

К тому моменту, как я добралась до конюшен, мой лиловый плащ подло отрёкся от звания непромокаемого, а колокольчики на сапогах уже не звенели, лишь жалостливо ныли, требуя немедленно вернуть их в нормальную обстановку.

Зато в стойлах оказалось тепло и сухо, а лампы с живым огнём согрели меня одним своим видом. Вот только жаль,

что никто из возниц, в это время ухаживающих за лошадьми, не пользовался никакими тайными тропами. Как быстро выяснилось, они все ездили только по трактам и теперь дружно готовились к продолжительному безделью. Целых двадцать два человека – и сорок четыре лошади – смотрели на меня невинными глазами, явно мечтая, чтобы я поскорее убралась и оставила их наедине с внезапным отпуском.

– Ой, да они просто лентяи! – прыснула девушка, подметавшая пол в том же темпе и направлении, в котором я спрашивала перевозчиков, и поэтому прекрасно слышавшая, что мне нужно. – Вы лучше обратитесь к мастеру Силграсу Авалати, что живёт у старого дуба. У него свой кэб, и он всегда пользуется высокогорными дорогами. А ещё он спокойно ездит даже в самую страшную погоду, никакие грозы ему не страшны! – И девушка, обняв метлу, мечтательно закружилась с ней в танце.

Кажется, лихой мастер Силграс был ей по сердцу.

– Спасибо за совет! – Я вновь приободрилась. – А у какого именно дуба из всех старых дубов вашего города живёт мастер Авалати?

– У того, что возле церкви!

Ага.

Вообще это был каштан, но я не стала поправлять свою спасительницу.

Господина Силграса не оказалось дома. Приткнувшись под козырьком крыльца, я долго шарила по карманам в поис-

ках сухой бумажки и карандаша. Церковный колокол у меня за спиной заунывно отбивал полдень, а дождь всё лил и лил, нескончаемый, разнося запахи мокрого камня и старых сосен. Наконец, накорябав записку, я воткнула её в щель между дверью и косяком.

Всё! Будем считать, для человека, не успевшего выпить священный утренний кофе, я сделала достаточно. Теперь мяч моего будущего на стороне судьбы. Пойду поем.

* * *

Хозяин «Кардамона и перца» выжидательно смотрел на меня с другой стороны барной стойки. То же самое делала голова оленя, висящая на стене. Больше в обеденном зале никого не было: все разошлись унывать по своим комнатам, а кто-то гулял и плакался дождю. Прятал в нём слёзы отчаяния и незаметно пытался утопиться.

– Ну как? – спросил Шофри, когда я, решившись, всё-таки попробовала пахнущую плесенью и пылью чёрную кашу, поданную мне в деревянной пиале. – Нравится?

Я в ответ захрипела и заскребла ногтями по столешнице.

– Это... – из моего горла донёлся странный свист, – впечатляет.

– Вот именно, госпожа Страждущая! Такого блюда в вашем Лесном королевстве не найдёшь! Держите-ка водички, а то вы что-то побледнели.

Я залпом выпила стакан и содрогнулась, поняв, что чёрной каши передо мной ещё целая тарелка, а вот мужество уже покинуло меня. Бешеные норшвайнцы делали это жуткое национальное блюдо из горных ящериц, и, небо голубое, я не хочу видеть его больше никогда в жизни, не то что пробовать! Всякой жажде новых впечатлений есть пределы.

– Может, возьмёте с собой в Шолох костяной порошок? Если развести его, получится дешёвая версия такой каши.

– Боюсь, он по пути испортится, я ещё не скоро поеду домой.

– Но он долго хранится.

– Но я ужасно безответственная. Наверняка потеряю; обидно будет.

Шофри всё понял. Усмехнулся в русую бороду и утешительно похлопал меня по руке.

– Ещё воды, милая?

– Да, пожалуйста, – просипела я.

Надеюсь, за оставшиеся четыре недели отпуска мой голос вернётся в норму. Будучи Ловчей – детективом по делам чужестранцев и магических рас, – я не хочу знаками показывать преступникам, что они арестованы. А то они в ответ покажут мне что похлеще.

Четыре недели, небо голубое! А ведь две, помимо них, уже прошло! Мне до сих пор не верится, что меня сослали... в смысле, отпустили на такой долгий срок.

Как это было: однажды утром шеф, мастер Улиус, внезап-

но вызвал нас с Полянью к себе в кабинет.

– Тинави! – рявкнул он, едва мы с напарником переступили порог. – Нельзя так много работать и так мало отдыхать! Ты себя угробишь, Страждущая, а меня, в свою очередь, за это угробит трудовая комиссия! Она как раз сегодня на рассвете заглядывала, как всегда, без предупреждения, причём ко мне домой – чтобы я не сбежал!

Я опешила от такой избирательной претензии.

– Но ведь Полянть тоже давно не был в отпуске!

– Ябеда, – проворчал тот и звякнул браслетами.

– С ним я тоже разберусь, не переживай! – рокотал Улиус. – Но ты, как хорошая девочка, должна подать ему пример! Поэтому так: Тинавушка, чтобы ноги твоей не было в ведомстве с двадцатого июня по первое августа! Это приказ!

Он пододвинул ко мне бумаги и всучил перо.

– И будь добра, отдохни как следует, дабы это лохматое чудовище, наслушавшись потом твоих рассказов, взвыло от зависти и само куда-нибудь попросилось! Нагло, уверенно и с полноценной аргументацией попросилось, как у него и принято!

Зевавший Полянть вздрогнул.

– Мастер Улиус! – В его голосе звенел укор пополам с ужасом. – А можно говорить обо мне не в среднем роде?! А то я расстроюсь, оброню где-нибудь свою самооценку и буду долго восстанавливать её своим любимым способом, который вам так не нравится!

– Это которым? – призадумался Улиус.

– Совершая трудовые подвиги! – Внемлющий возмутился. – А что, вас что-то ещё не устраивает?

– Конечно. Твои побрякушки, твои безумные методы ведения расследований, твои татуировки...

Глаза напарника, и без того немаленькие, становились всё больше от слова к слову.

– Так, всё! – воскликнула я, расписываясь в документах настолько быстро, насколько это было возможно – пока тут кто-нибудь кого-нибудь не убил. – Бумаги оформлены. Отпуск ждёт.

– Молодец, Тинавушка! – одобрил шеф.

А Полынь, когда мы вышли, запрыгнул на лестничные перила и по ним медленно, рядом со мной, поехал на первый этаж.

– Про методы было обидно, конечно. Но шефу не нравятся мои татуировки! – Хитрая улыбка расцвела на его лице. – Ну наконец-то он признался. Я чуял, чуял, что они его бесят! И вот мы выбили из него правду!.. Хей, малёк, а ты чего такая задумчивая?

– Да меня тут в изгнание отправили, если ты не заметил. – Я помахала свитком. – Месяц с лишним отпуска, Полынь! Это ужасно ответственная задача, так-то. Вот я и прикидываю, куда послать своё брренное тело в поисках приключений.

– Езжай куда-нибудь, где происходит побольше всякой дичи. Тебе же потом нужно заставить меня завидовать, не так

ли? Вот и постарайся, душа моя. – Он подмигнул, и я, не удержавшись, ткнула его под рёбра.

Полынь взвыл и расхохотался.

– Шучу, – сказал он чуть позже. – Лучше хорошенько отдохни. И, конечно, выбирай безопасное место.

– А всё, а поздно, я запомнила первый совет.

В общем-то, после некоторых размышлений я решила отправиться в графство Норшвайн, где уже три года живут мои родители.

Всю неделю, что я провела у них, папа хвастался своей новой лабораторией, а мама неистово кормила меня вишнёвыми пирогами. Эти пироги – отдельная песня! Иногда мне кажется, что родители переехали на север не потому, что папе предложили почётную должность графского алхимика, а как раз из-за маминой выпечки. Слишком уж она всегда была хороша. Должно быть, булочники всея лесной столицы объединились, пожаловались королю на недосыгаемый идеал вишнёвого пирога, и его величество нежно попросил господу Драссен придумать что-нибудь, не терзать чужую гордость. И когда встал выбор: печь или не печь? – мама решила печь. Просто где-нибудь в другом месте: надо же, в конце концов, осчастливить вкусовые рецепторы и остальных народов.

Мама переезжала с огромным энтузиазмом. Папа – тем более. Мой непоседливый характер – от них.

Ну а после отдыха в обществе своих ближайших и дра-

жайших я отправилась дальше. По плану я собиралась медленно-медленно двигаться обратно к Шолоху, по дороге заезжая во все симпатичные городки без исключения. В этом отпуске я буду слушать своё сердце и левую пятку, а не разум – так я решила.

А вот Врата Солнца в свою очередь решили привязать меня к себе посредством камнепада... Но тут мы ещё посмотрим, кто кого.

* * *

Размышляя обо всём этом, я подъедала взбитые сливки с горячего шоколада, которым пыталась восстановить своё душевное равновесие после каши. Едва я сунула в рот последнюю ложечку, как кто-то похлопал меня по плечу.

Поперхнувшись от неожиданности, я оглянулась.

Передо мной стоял хрупкий и до крайности подозрительный юноша лет двадцати трёх на вид. Его волосы цвета лепестков белой лилии доходили почти до плеч и надо лбом были собраны резинкой (в Шолохе мы называем такую причёску «фонтанчик»). Глаза – огромные и ярко-голубые, черты лица – очень нежные, как у какой-нибудь принцессы: даже её величество Аутурни, не к ночи будет помянута, рядом с ним не показалась бы настолько эфемерной, как обычно.

А вот взгляд у пришедшего по мою душу норшвайнца был дерзкий. Донельзя насупившись, он придиричиво оглядел ме-

ня с головы до ног. Я не отставала, внимательно изучая его обтягивающий чёрный костюм в стиле горного охотника и такого же цвета короткую накидку с широким капюшоном и серебристой вышивкой.

– Мастер Силграс Авалати, я полагаю? – выплюнув ложку, спросила я с максимально возможным достоинством.

– Да. А ты – Тинави из Дома Страждущих? Я нашёл твою записку.

Признаться, я удивилась. С одной стороны, Силграс с ходу обратился ко мне с дружеским «ты». А с другой – гордо вскинул подбородок и почему-то продолжил смотреть на меня с откровенным вызовом. Исходя из моего опыта, после таких взглядов помещение наполняется брошенными перчатками, пощёчинами и криками: «Ах ты сволочь!»

Прах, неужели я умудрилась написать что-то невежливое?.. Другая страна, другой язык и менталитет – будучи опытной Ловчей, я уверена в своих знаниях чужих культур, но оплошности всё же случаются. Особенно велик их процент, когда корябаешь записку, в три погибели скрючившись под дождём.

Впрочем, в следующее мгновение у меня отлегло от сердца.

– Мне понравилось твоё письмо. Оно было весьма убедительно, поэтому я готов сопроводить тебя, хотя обычно не беру клиентов в такую погоду, – слегка запальчиво сообщил Авалати.

– О-о-о! Прекрасно! В глубине души я всегда подозревала, что эпистолярный жанр – это моё. Тогда какой план?

– Мы отправляемся сегодня в полночь, после того, как взойдёт Игольчатая звезда. Я буду ждать у ворот трактира. Если тебя укачивает – возьми какие-нибудь леденцы. Мой кэб маленький и его будет трясти на перевалах. И да – с нами поедет ещё один путешественник.

– Такой же убедительный, как я? – с улыбкой прищурилась я.

– Нет, – Силграс с шумом выдохнул. – Ещё хуже. В смысле лучше. В смысле... Ты поняла.

Мы ещё немного поболтали. В ходе разговора мастер Силграс оставался всё таким же насупленным: судя по всему, у него просто был такой характер – типаж «бука» во всём своём великолепии. Наконец, рассмеявшись – настроение у меня было превосходным, – я по столешнице придвинула ему монеты, запрошенные для предоплаты.

– Не опаздывай и наберись сил, – сказал Силграс перед тем, как уйти. – Путь будет долгим.

* * *

Минутная стрелка старинных часов в моей комнате показывала без четверти полночь, когда я перекинула через плечо сумку (люблю путешествовать налегке; всё необходимое покупаю по ходу дела) и вышла из номера.

Припозднившиеся гости ужинали, перекидываясь шутками и игральными картами, Шофри протирал глиняные бутылочки с травяными ликёрами.

– Уже уезжаете? Жаль. Да поцелует вас владыка горных дорог, госпожа Страждущая! – пожелал он мне на прощанье.

Именно так звучит общепринятое в Норшвайне напутствие. Помимо него, тут популярны такие фразы, как: «Да не приглянешься ты ледяной леди!», «Да услышишь ты шёпот ручьёв и трав!», «Да обнимет тебя господин ночных туманов!» и, конечно, ёмкое: «Упаси тебя от Лешего».

Все эти и многие другие благословения связаны с так называемыми *альвами*. Альвы – это около дюжины могущественных существ, испокон веков живущих в землях Норшвайна. Кто-то считает их духами, кто-то чудовищами, кто-то колдунами – полагаю, что истина, как всегда, где-то посередине. Так или иначе альвы активно участвуют в жизни графства: один требует называть в честь него детей, родившихся на рассвете, другая регулярно превращает живых людей в своих призрачных слуг. И так далее. Что ни говори, а у каждой страны есть свои причудливые обитатели, наследившие в её истории так, что мама не горюй.

Это радует: мир такой интересный! Но и пугает: ведь ты никогда не знаешь, от какой ещё загадочной сущности огребёшь.

Дождь наконец-то кончился. Небо расчистилось, и даже туманная дымка застенчиво ускользнула в ущелья. Дотол

скрытый пейзаж явил себя во всей красе.

Я застыла на крыльце трактира, любуясь.

Осколок луны и созвездия на своей бархатно-чёрной подушке казались невыносимо близкими. Город спал, убаюканный их драгоценной песней, а горы вокруг высились острыми ножами, будто пытались сберечь какое-то сокровище. Среди них, бесконечно-тёмных в ночи, выделялся ярко-белый пик Осколрог – ледник-альбинос, наверное, чувствующий себя ужасно одиноким.

От поэтического созерцания природы меня отвлекла внезапно распахнувшаяся дверь сеновала, пристроенного к гостинице.

Дикий скрип, удар, чьё-то бормотание – идохнувшее изнутри карамельное тепло.

На улицу шагнул высокий стройный мужчина в голубом плаще. В руке он сжимал саквояж, щедро украшенный разноцветными лоскутками ткани.

– Ох! Аллилуйя! – воскликнул чужак в никуда. – Сеновал, ничего личного, но я рад, что мы с тобой расстаёмся.

Ага. Вот, кажется, и мой попутчик.

Мужчина закрыл сарай, утешительно бормоча ему что-то вроде: «Ты, главное, помни, что в целом ты очень хороший, дело не в тебе, а во мне» – и наконец повернулся в мою сторону. Из-под опущенного капюшона было видно только нижнюю часть лица – весьма привлекательную.

Обнаружив, что у его воркования с сеновалом были сви-

детели, путешественник на мгновение застыл. А потом отмер и застыл заново, на сей раз прицельно глядя куда-то в район моих сапог. Очень медленно его губы расплылись в некоей понимающей улыбке. Он сбросил капюшон и поднял голову.

Я даже назад отступила.

Никак не ожидала такого всплеска яркости в темноте! Огненно-красные волосы, рассыпавшиеся по плечам, горящие синие глаза, румянец энтузиазма на красивом лице.

Неужели он тоже из Шолоха? Чем-то ужасно родным и лесным веет от этой жизнерадостной красочности!

Между тем незнакомец сдул упавшую на лицо прядь волос и целеустремлённо направился ко мне.

– Берти Голден-Халла! – непререкаемо представился он, протягивая руку.

Нет, судя по акценту, всё же не шолоховец.

– Тинави из Дома Страждущих! – бодро отозвалась я.

– Я так понимаю, сейчас мы вместе будем совершать побег. – Улыбка господина Берти не умещалась на лице. – Мастер Силграс сказал вам про леденцы от укачивания? Я стащил горсть из гостиницы. Могу поделиться.

– О, прах! Я тоже стащила. Причём последние.

– Ну вот, Шофри нас возненавидит, – цокнул языком Берти.

– Хорошо, что мы уезжаем, получается, – я развела руками, и мы рассмеялись.

Этот смех был полон облегчения. Думаю, в каждом из нас живёт древний липкий страх – наткнуться на ужасного попутчика, от которого просто некуда будет деться. Мучительные часы пыток! Сейчас страх не оправдался, так что я мысленно возносила хвалу своей удаче. Господин Голден-Халла явно занимался тем же.

Как раз в этот момент у трактира притормозил кэб, запряжённый одной лошадкой.

Карета была необычайно маленькая: в Шолохе её бы сразу цинично обсмеяли перевозчики-кентавры, причём максимально обидными словами (чем-нибудь типа «свистулька»), но здесь, среди гор, такой размер казался вполне рабочим. Самое то лавировать на узких, почти отвесных дорогах.

С кóзел спрыгнул мастер Силграс Авалати, всё в той же чёрной мантии с серебряными узорами. Как и днём, он выглядел замкнутым и слегка насупленным.

– Привет, – возница открыл дверцу кэба и указал на предназначенный для багажа люк. – Вещи можно убрать сюда.

Но отсек оказался таким маленьким, что туда влезла только моя сумка. А вот саквояж Берти – нет. После этого мы потратили некоторое время на то, чтобы придумать, как нам сложиться в наиболее удачный пазл в этом крохотном кэбе, рассчитанном скорее на одного полного человека, чем на двух худых плюс багаж.

Мастер Силграс стоял у открытой дверцы и жевал какую-то булочку, выжидательно наблюдая за нашей вознёй.

В итоге мы с Берти кое-как устроились на противоположных сиденьях, сняли обувь и перекинули ноги через проход. Саквояж уместился на полу. Уже сев, мы поняли, что не сняли плащи, в которых по пути наверняка будет жарко. Разоблачаясь, мы то и дело стукались коленками и локтями, а один раз я так приложилась затылком, что искры заплясали у меня в глазах.

Мастер Силграс продолжал сосредоточенно жевать.

Когда кэб, обретя равновесие, наконец перестал шататься, он изрёк:

– Я забыл сказать, что в ящиках под сиденьями есть подушки и пледы. С ними спать будет удобнее. Достанем?

Да ты издеваешься!..

– Я думаю, обойдёмся, – увидев непростую гамму эмоций на моём лице, протянул Голден-Халла.

Силграс без лишних комментариев захлопнул дверцу и вскарабкался на своё место. Послышался его резкий пошвист, щелчок кнута – и вот карета уже покатила вниз по улице.

Отодвинув шторку, я смотрела на то, как мелькают за окном ночные огоньки Врат Солнца. Голден-Халла делал то же самое, и в стекле я видела его отражение.

– Тинави, – поймав мой взгляд, он улыбнулся, – обычно я не делаю таких предложений в первые полчаса знакомства, но... Давай перейдём на «ты»? Как по мне, это самоотверженное, плечом к плечу, сражение с кэбом сблизило

нас быстрее, чем смогли бы светские разговоры. Как-то глупо «выкаты» человеку, которого только что бил коленкой в живот.

Я энергично закивала:

– Я только за! И прости за тот удар. Не то чтобы у меня есть привычка дубасить симпатичных малознакомых людей. На самом деле я мирная.

– Ну-ну. Тот единственный шолоховец, которого я хорошо знаю, тоже так говорит, однако по факту он столь суров и беспощаден, что меня аж дрожь пробирает.

– Как ты догадался, что я из Шолоха?!

Голден-Халла лукаво наклонил голову.

– Акцент.

– Ну вот! А я не могу распознать твой.

– Это потому что я из города и района, где даже у каждой чайки своё произношение – спасибо самой активной в мире морской торговле.

– Неужели Саусборн?

– Бинго!

– Обожаю его!

Берти обрадовался:

– Ты бывала там?

– Ага, один раз, и мне очень понравилось. – Я схватилась за дверцу кэба, когда он подпрыгнул на какой-то кочке. – А ещё мой близкий друг оттуда родом. Признаться, сам он не в восторге от Саусборна, но мои тёплые чувства к городу

лишь окрепли после нашего знакомства... Раз ваша южная столица породила такую замечательную бестолочь, дорогую моему сердцу, то я не могу не быть ей благодарной!

– Мне нравится такой подход! А в каком районе жил твой друг?

Я хотела ответить, но вместо этого широко, протяжно зевнула. Берти тотчас повторил за мной, ещё упоительнее.

– Если не ошибаюсь, он жил... – начала я, мучительно борясь с внезапно нахлынувшей сонливостью, – ...где-то возле резиденции архиепископа... – Язык еле ворочался.

Так. Вообще, это ненормально. Меня не может вот так взять и выключить – я же выпалась, и...

Я услышала слабый удар, когда лоб Берти стукнулся о стекло, а мгновение спустя сама сползла вниз по сиденью кэба.

Подушки бы всё-такигодились.

3. Под алмазным прилавком неба

*Седые горы полны тайн. Искажения магии,
погодные разломы, потерянные во времени деревни
– если бы эта территория не таила столько
опасностей, она была бы воплощённой мечтой для
любопытных путешественников.*

Поэто Санатри, картограф

Берти Голден-Халла

Берти проснулся из-за давящей тишины, вдруг навалившейся на уши, развернувшейся в нестерпимый отдалённый звон.

Голден-Халла открыл глаза и насторожённо замер. Ноги, согнутые в коленях, затекли, в крохотном салоне было темно и ужасно холодно. Кэб стоял на месте. Снаружи не доносилось ни звука.

Берти отодвинул шторку и ахнул, увидев, что случилось с окном... Затем перевёл взгляд на свою спутницу, сидящую напротив, так же крепко спящую, как он сам ещё минуту назад.

Всё это очень подозрительно.

В голове кружил хоровод вопросов, каждый из которых жаждал прозвучать первым, и Берти аккуратно отделял их

один от другого, одновременно с тем глядя на то, как у Тинави во сне подрагивают пальцы и ресницы.

Страждущая тихонько вздохнула. Её длинные ярко-каштановые волосы разметались по подголовнику сиденья, кожа, обласканная трепетным лесным солнцем, была холёной и свежей, на скулах и носу играл лёгкий румянец. Одежда не скрывала фигуру, и Берти подумалось, что он мог бы обхватить её талию двумя ладонями. Лицо той классической красоты, которую ценят в любых культурах, сейчас было спокойным и безмятежным, хотя по его чертам Голден-Халла видел: обычно Тинави много улыбалась и смеялась. Однако наравне с этой живостью и открытостью, свидетельствующей о компанейской дурашливости, во внешности Страждущей таилась неуловимая загадка – миражная, неземная. И, может, страдание? Странное сочетание. Странное, манящее и... ужасно знакомое.

У Берти сжалось сердце от внезапно пришедшего ощущения близости. Какое-то время он любовался Тинави, потом востепенно, отвесил себе мысленную пощёчину («*Это ещё что? Неуместнее не придумаешь!*») и постучал в стенку у себя за спиной, надеясь, что Силграс отзовется. Но в ответ была лишь тишина, становившаяся всё гуще от минуты к минуте. Она обволакивала кэб и двух сидящих в нём людей, заставляя двигаться медленнее, чувствовать, как тяжелеют веки, а предметы по краям будто текут, как вода.

Берти шёпотом окликнул:

– Госпожа Тинави!

Страждущая сонно шевельнулась.

Сыщик повторил:

– Госпожа Тинави! – и легонько побарабанил пальцами по её коленке.

* * *

Тинави из Дома Страждущих

Мне снилось, что я мёрзну в бесконечной темноте космоса.

Я парила без возможности двинуться куда-то, а планеты и звёзды равнодушно наблюдали за мной со стороны. Казалось, впереди ждёт что-то нехорошее; страх иглами покалывал сердце. От пронизывающего холода сводило зубы, меня засасывала головокружительная глубина галактики, и мне чудилось, будто кто-то – нехороший, невозможный, непостижимый – ищет меня, чтобы убить. И вот-вот найдёт.

– Тинави!

Лёгкие пальцы коснулись моего колена, и я мгновенно проснулась.

Сначала я почувствовала облегчение оттого, что невнятный кошмар закончился. А потом – замешательство, пото-

му что холод никуда не делся. Стал только отчётливее наяву: меня колотило так, что зуб на зуб не попадал.

Надо мной склонился Берти – его лицо было бледным и насторожённым в лучах лунного света.

– Что случилось? – почему-то шёпотом спросила я.

Впрочем, ясно почему: нас окружала мёртвая тишина. Она мгновенно съела мои слова, не успели они отзвучать. Нечто вязкое и неопределимое разливалось в ледяном воздухе. Кэб не двигался.

А окна были полностью покрыты... морозными узорами.

– Зима?! – тотчас воскликнула я с таким неподдельным возмущением, какого сама от себя не ожидала в данной ситуации.

– Вот и я обомлел! – рассмеялся Берти, возвращаясь на своё место. От звука его тёплого голоса мрачная атмосфера хрустнула и рассыпалась, обернувшись просто привлекательно-колдовской.

– Мы с тобой определённо столкнулись с некоей дорожной загадкой. – Голден-Халла открыл свой саквояж. – Я проснулся минуты две назад. Силграс не отзывается, за окном ничего не видно и не слышно, а выходить на улицу без тебя я не стал. На, держи, – он протянул мне комок воздушной синей ткани.

Это была шуфа – популярный тип зимнего одеяния, по сути являющийся подвидом мантий. Сделанные из тончайшей волшебной шерсти, шуфы буквально источают тепло –

и очень удобно складываются, занимая совсем мало места в сумке.

– Укутывайся, госпожа Страждущая. У меня ещё есть, – и Берти потянул за торчащий зелёный лоскуток, виднеющийся на самом дне саквояжа. Раздался треск, но в итоге и второй наряд оказался на свету целый и невредимый.

Два зимних одеяния у одного человека посередине лета – это нестандартная ситуация.

Напрашивался вывод:

– Ты путешествовал по Седым горам?

– Ага, – кивнул Голден-Халла. – Поэтому у меня столько вещей: на каждую из погодных зон, которую в них можно встретить. И, знаешь, что-то мне подсказывает, что сейчас мы снова там. В смысле здесь. В Седых горах. Если, конечно, не выяснится, что мы проспали полгода и зима пришла естественным образом.

– Бр-р-р, надеюсь на первое!..

Седые горы – это древняя и таинственная часть Норшвайна. Огромные полупустые территории, где пару тысяч лет назад случился катаклизм, из-за которого теперь в них прах знает что творится с магией и погодой. Седые горы гораздо более пологие, чем соседние с ними Лилаковые, местами они скорее напоминают холмы. Этот регион начинается сразу за цепью острых скал, с запада подпирающих Врата Солнца – и да, вполне возможно, что Силграс завернул туда, когда вёз нас прочь из города, но...

Что произошло дальше? И почему мы так резко уснули? Обмотавшись шуфами, мы с Берти одновременно распахнули дверцы экипажа.

Ночной холод ударил меня в грудь, выбивая воздух из лёгких. Но почти сразу же организм адаптировался: сердце забилось быстрее, разгоняя кровь, и по телу разлилась приятная бодрость пополам с азартом.

Ибо ситуация была воистину странной.

Наш возница, мастер Силграс Авалати, отсутствовал на козлах. И мохноногая лошадка тоже исчезла. Пустые оглобли лежали на заснеженной дороге. Ну как минимум не было видно никаких трупов – а это уже хорошо.

Вслед за Берти я закрутила головой, изучая местность, в которой мы оказались. Это была узкая дорога, опоясывающая заснеженный горный пик. Слева поднималась отвесная скала, справа притаился обрыв, в котором лежала безмолвная долина, увенчанная острой короной гор. Небо, похожее на перевёрнутый прилавок с алмазами, темнело наверху; под луной сверкали искорки снежинок.

– А вот и пик Осколрог, – Берти указал на ледник, чей знаменитый профиль в виде равностороннего треугольника украшал немало норшвайнских открыток. – Значит, это действительно Седые горы.

Я присела на корточки, а потом и вовсе шлёпнулась на колени и шустро поползла вокруг кэба, надеясь найти какие-то следы, хотя надежды на отпечатки сапог и копыт было

немного: безе хрусткой колдовской дороги едва угадывалось под стремительной позёмкой.

К моему удивлению, Берти без промедления опустился рядом, да ещё и нахально пополз вперёд. Потолкавшись плечами в районе гипотетической лошади и не найдя ровным счётом ничего, мы с сомнением уставились друг на друга.

– Я сыщик, – объяснил Голден-Халла. – Частный детектив и колдун.

– Ух ты! А я – Ловчая на службе лесного короля.

– Так мы коллеги! – Он неподдельно обрадовался. – Теперь всё ясно. А то я думаю: и почему это у меня с ходу появилось какое-то странное чувство, что тебе можно доверять... Даже несмотря на то, что это ты увела у меня последний свободный номер в трактире, из-за чего мне пришлось спать на пепловом сеновале!

Моя улыбка, появившаяся в начале его монолога (да-да, доверять мне – замечательная идея!), в конце сменилась гримасой неловкости.

– Ты серьёзно? Я?..

Берти яростно закивал.

– Прах!.. А я всё стеснялась спросить, что это у тебя за привычки такие, что ты предпочёл ночевать в сарае, хотя явно не испытывал по этому поводу восторга... «Ммм, – подумала я, – так вот они какие – аскеты!»

– Ну, это не худшая возможная мысль, – хмыкнул Берти. – Так, ладно! Возвращаясь к нашей очаровательной си-

туаации. Я правильно понимаю, госпожа Ловчая, что просить тебя вернуться в кэб до выяснения обстоятельств – бессмысленно?

– Я бы сказала – абсурдно!

Всё это время мы продолжали стоять на карачках, но ни у меня, ни у Голден-Халлы это не вызывало ни малейшего дискомфорта. Рабочий процесс, подумаете.

И вдруг саусбериец расширил глаза, бросаясь, как мне сначала почудилось, обниматься:

– Ты посмотри-ка!..

Я оглянулась.

В паре метров от нас над обрывом парила феечка. Треугольное лицо, острые уши, голубые крылья с синими прожилками и белоснежные волосы. Рост – не больше пяти дюймов.

Мне немедленно захотелось издать эдакий сюсюкающий звук, который свидетельствовал бы о крайней степени моего умиления. Но я сдержалась, потому что мне не хотелось показаться чокнутой в глазах Голден-Халлы, а умиление, скажем прямо, считалось не самой адекватной реакцией на пакостника *снуй*.

Снуй – это пусть и очаровательные, но всё же в первую очередь подлые феи, населяющие снежные горы (в путеводителях их также нередко называют *духами*). Встретив путников, они старательно привлекают их внимание и затем манят, манят за собой... Частенько – в самое сердце неприят-

ностей, из-за чего во всех путеводителях огромными буквами пишут: «Не идите за снуи! Не надо!»

Однако большинству путешественников сложно послушаться этого совета по той простой причине, что духи снега испускают определённый феромон-приманку, вызывающий нестерпимое желание следовать за ними. И не важно, что брести приходится по жутким сугробам, блестя сердечками в глазах и мыча нечто невразумительно-восторженное.

В то же время, если человек когда-либо серьёзно учился колдовству, то на занятиях его вполне могли подвергать действию такого феромона – в качестве прививки на будущее. И тогда встреченная в реальной жизни приманка не сработает. С такими умниками феям снуи приходится возиться дополнительно – петь им, плясать, упрасивать, – в общем, заволаживать по полной программе в стиле ярмарочного гипнотизёра, дабы всё-таки сделать своё недоброе дело.

Я в своё время подверглась влиянию феромона, спасибо обучению у магистра Орлина. (Мы с Дахху и Кадией тогда блаженно пускали слюни чуть ли не два дня подряд, одновременно с этим пытаюсь протаранить лбами стену, на которую наставник повесил акварельку с изображением духа.) Голден-Халла, видимо, тоже когда-то испытал подобные фантастические ощущения, вследствие чего сейчас его взгляд оставался ясным, а губы сложились в коварную ухмылку.

Но снуи, кажется, не понял, что нарвался на Людей С Грандиозным Опытом.

Увидев, что привлёк наше внимание, дух сразу же с тонким писком взмыл выше, вылетел на дорогу и помчал по ней прочь.

– Ну даёт, – сказала я. – Хоть бы обернулся, проверил, как там «жертвы».

– Да уж, я ещё не встречал таких безалаберных злодеев... Наверное, это совсем юный дух. Представляю его разочарование, когда он поймёт, что ловушка не сработала, – почувствовал Берти.

Я задумалась:

– Слушай, а может, пойдём за ним?

– Тебе его *настолько* жалко? – изумился сыщик.

– Да нет, просто... Что, если это он увлёк Силграса вместе с конём?

– Хм, – Берти прищурился. – Только если наш возница имеет медаль по скоростному распряганию лошадей: малыш-снуй явно не обладает такой добродетелью, как терпение. Однако, – сыщик пружинисто вскочил на ноги и подал мне руку. – Это пока наша единственная и лучшая гипотеза. В любом случае сидеть здесь нет никакого смысла. Так что да! Сыграем в поддавки и порадуем крылатого пакостника!

Берти вытащил из кэба мою сумку и свой саквояж, и мы решительно бросились вслед за феей.

И никаких феромонов не надо!

Да, наш снуи действительно мог похвастаться крайней самоуверенностью.

Он летел то выше, то ниже, делал кульбиты, очевидно красуясь, но и не думал подстроить свою скорость под возможности предполагаемых жертв.

И не оглядывался.

Вообще.

Хвала небесам, снежный дух хотя бы летел над дорогой. Сигани он в обрыв, думаю, мы с Голден-Халлой умерили бы свой любознательный пыл. И, возможно, замялись бы перед тем, как посмотреть вниз, боясь увидеть там лепёшку, бывшую некогда Силграсом Авалати и его конём.

А так:

– Да погоди ты, дурында, эй! – отчаянно кричали мы.

Однако ветер уносил наши голоса в другую сторону, снуи не слышал, и поэтому, ругаясь и хватаясь друг за друга, как две сиротки, мы продолжали гонку в далеко не оптимальном, зато согревающем темпе. Радовало только, что дорога до сих пор была довольно утоптанной, несмотря на сыплющийся с неба снег.

Вдруг снуи замер. Он в кои-то веки оглянулся и очень критично посмотрел на то, как я на ходу, фырча и умирая от жары, расстёгиваю шуфу, а Берти вслух прикидывает, на-

сколько ему ценен его саквояж – или прах с ним, пора бы его уже бросить, оставить трофеем для гор.

– Боги, неужели он остановился... – застонала я, готовая упасть от облегчения.

Дома я люблю бегать, но марафон по ночным горам в скользких сапогах и зимнем облачении с чужого плеча оказался чем-то, что определённо никогда не входило в мой план тренировок. «Думал, что вёрткий мастак, но на деле – козлиная-простак!» – наверняка высказался бы мастер Улиус, будь он тут.

– Снуи! – из последних сил заорал Берти. – Наконец-то! Погоди! Да-да, мы твои пленники – хей, Тинави, изобрази восторг и слабоумие, пожалуйста, – но всё же нам, твоим верным рабам, нужно двигаться чуть медленнее, понимаешь?! Подожди минуту! Дай отдышаться!

В ответ снуи скривился, разочарованно пискнул и... с дикой скоростью штопором ввинтился в ночное небо, где исчез за считанные мгновения, смешавшись с искрящимся полем звёзд.

– Не-е-е-ет! – взвыла я и всё-таки позволила себе горестно рухнуть на дорогу. – Ты же должен был привести нас к неприятностям! Какого пепла мы проделали этот путь!

– Неужели я такой плохой переговорщик? – ужаснулся Голден-Халла.

Я меж тем всерьёз размышляла о том, стоит ли мне поесть снега, чтобы утолить жажду, или мой нежный организм

окончательно откинется от таких приколов. Берти сел рядом. Снег вокруг безнадежно таял, настолько мы были разгоряченными этой гонкой. И это пугало меня куда больше чудовищ, потенциально способных выползти из темноты, ведь я – лучшая подруга одного из величайших ипохондриков Лесного королевства.

«Переохлаждение. Воспаление лёгких. Смерть», – услужливо бормотал у меня в голове гнусавый голос Дахху.

– Что будем делать, господин Голден-Халла? – выдавила я, пытаюсь его заглушить.

Берти к этому моменту кое-как снова встал и, пошатываясь, отошёл к обрыву. Надеюсь, он не собирается сброситься.

– Хм. Как насчёт того, чтобы пойти и рассказать всем о том, как мы недовольны некачественными услугами местных фей? – после паузы протянул он.

– С удовольствием, но кому – всем?

– Тем, кто зажёт огни! – в голосе сыщика вновь послышалось ликование.

Он подскочил ко мне и поднял чуть ли не за шкуру, заставляя встать. Из этого, уже забытого было положения, я вдруг разглядела сияющие очертания деревни, проступившие сквозь дымку вьюги внизу, под склоном, оказавшимся здесь куда более пологим, чем прежде.

– Хвала небесам и странному снуи-альтруисту! – возопила я, мгновенно приободрившись и уже предчувствуя живительную дозу тепла.

– Забавно будет, если не альтруисту, а просто работающему на деревню, – подмигнул Берти.

– Агрессивные стратегии внутреннего туризма? – фыркнула я.

– Страшный заговор сувенирных лавок.

– Значит, они тем более готовы принимать гостей хлебом-солью. Всё же – хвала!

Голден-Халла кивнул, подхватил вещи, и мы с новыми силами воодушевлённой парочкой мотыльков полетели на свет, под гору.

4. Призрачная деревня

Волкодлаков всё больше. Мы не справляемся. Колдун из соседней деревни говорит, что они созданы из тени, лезут из ущелья, в котором когда-то погибли горные ведьмы. Если это не прекратится, нам конец.

Из чьего-то старого дневника

Поселение было окружено внушительным деревянным забором: казалось, жители деревни в любой момент готовы сдерживать осаду.

Голден-Халла постучался. Долго не было никакого ответа, а затем по ту сторону раздался монотонный голос:

– Кто вы и зачем явились в Долину Колокольчиков?

Берти многозначительно подвигал бровями, одними губами произнёс: «Женский голос лучше – вызывает доверие», и я, откашлявшись, дружелюбно заявила:

– Доброй ночи! Мы мирные путники. Наш возница пропал, мы его ищем. К вам никто не приходил в последнюю пару часов?

После продолжительной паузы, наполненной завыванием ветра в щелях забора, сторож так же безэмоционально поинтересовался:

– Вы хотите пройти в деревню? – мой вопрос он проигнорировал с невозмутимостью сытого медведя.

– Да, – сказала я.

Послышался скрип отодвигаемого засова. Ворота распахнулись, и мы с Голден-Халлой с любопытством уставились на бородатого селянина.

За спиной у него открывался вид на старинную деревушку. Узкие улочки, деревянные домики с острыми крышами. В паре окон, несмотря на экстремально поздний час, танцевало пламя свечей – за занавесками были видны тени местных жителей. Горбоносая старушка вязала, сидя в кресле-качалке. Мужчина и женщина целовались, не думая о случайных свидетелях.

А между домами были протянуты тонкие гирлянды, увешанные стеклянными колокольчиками. Они мелодично позвякивали, медленно раскачиваясь на ветру.

– Добро пожаловать в нашу деревню, путники, – размеренно сказал мужичок и указующе махнул рукой. – В конце улицы вас ждёт трактир.

Берти вежливо поблагодарил, а затем сощурился:

– Хей, так до нас сегодня кто-то приходил?

– В конце улицы вас ждёт трактир, – весомо повторил местный житель.

– Спасибо, что пустили! – улыбнулась я, но ответной улыбки не дождалась.

Сторож молча закрыл ворота и замер, лицом к ним.

Мы с Голден-Халлой переглянулись, а потом пошли по указанному адресу. Хорошо. Будем считать, сторож из той

породы людей, что упорно не хотят выходить за границы обозначенных трудовых обязанностей.

* * *

В трактире было тепло и приятно пахло корицей, орехами и ванилью.

Этого хватило для того, чтобы, несмотря на сомнительность всего происходящего, я прониклась к заведению самыми нежными чувствами. Прах с ними, с потенциальными опасностями! Ради неба, пусть приходят, если мы договоримся чинить друг другу препятствия возле жарко растопленного камина.

Стоило нам с Берти переступить порог, как пухленькая барменша в кружевном чепце воскликнула из-за стойки:

– Добрый вечер, путники! Присядьте на лавку да выпейте грогу!

Голден-Халла помог мне снять промокшую шуфу, затем сбросил свою, оставшись в тонкой белой кофте с верёвочками на груди и в узких зеленых брюках. Магические браслеты – изумрудный и голубой – болтались на запястьях сыщика, длинные пальцы украшало несколько колечек. Глядя на них, я мгновенно вспомнила Полынь – главного любителя обвешать себя всевозможными побрякушками, а потом безмерно смущать шолоховскую преступность тем фактом, что охотящийся за ней господин Ловчий выглядит ещё более нефор-

мальным, чем эта самая преступность даже в свои лучшие дни.

– Присядьте на лавку да выпейте грогу! – вновь крикнула трактирщица, уже погромче.

Я изумлённо обернулась на неё. Надо же, какая настойчивость.

Голден-Халла тоже вскинул брови, затем послушно опустился на скамью. Едва я села напротив, как трактирщица вышла из-за стойки и поднесла нам две дымящиеся кружки.

– Я угощаю. Сколько за них? – спросил Берти, вытаскивая кошелёк, но трактирщица лишь молча развернулась и удалилась.

– Это странно, да? – я задумчиво проводила её взглядом.

– Очень, – согласился Голден-Халла. – Наша гипотеза о туризме разваливается на ходу: кошелёк был приманкой. Нужны новые теории. Но я не в состоянии нормально думать, когда так замёрз. Придётся сначала отогреться.

– Что ж, «присел на лавку – выпей грогу», – со смешком посоветовала я, с наслаждением обхватывая горячую кружку руками.

Берти склонился над напитком, понюхал и с опаской глотнул:

– Грог как грог, – вынес вердикт он.

– Пей-пей. А я подожду полчаса, вдруг отравя?

– Неужели ты такая жестокая? – заинтересовался Берти.

– Скорее, прагматичная. Чтобы спасти тебя, мне нужно

быть в трезвом уме.

Голден-Халла вытащил из саквояжа три крохотных пузырька и гордо водрузил их в центр стола.

– Противоядия от самых популярных ядов, – пояснил он. – Разделим их пополам, если что.

– Ух ты! – Я бессовестно сунула нос к склянкам. – С ума сойти, какой ты запасливый. И вторая шуфа, и зелья...

– Стиль жизнь у меня такой, – рассмеялся сыщик. – Никогда не знаешь, куда занесёт.

– Кстати, а зачем ты приезжал в Седые горы? Отпуск, работа или что-то ещё?

– Всё вместе, – Берти вытянул ноги в сторону камина. – Я ездил в гости к другу. Для этого мне пришлось взять отпуск – с учётом того, что я работаю на себя, это, конечно, было очень ответственное мероприятие. Я торжественно написал самому себе разрешение и даже шлёпнул на него первую попавшуюся печать. И оставил всё это добро у себя на столе в кабинете, чтобы совесть моя была чиста, а по возвращении появился лишний повод пустить скупую слезу умиления оттого, какой же я всё-таки молодец... Но по дороге в Норшвайн мне попала работа: я случайно наткнулся на жертв горных бандитов. Пришлось найти негодяев и отправить их к местным органам правосудия, а потом, в деревне неподалёку от хижины Моргана – это мой друг, – я успел поучаствовать в разгадке *великой тайны*...

Пауза.

Я заинтригованно застыла с кружкой, не донесённой до рта.

– Она называлась «Кто стащил лопату из коровника», – драматично и совершенно серьёзно провозгласил Берти. – Ты не представляешь, какие страсти кипели, когда выяснилось, что никто! Она просто упала за шкаф.

Мой хохот разнёсся по всем углам трактира.

– А твой друг такой же весельчак, как ты, Голден-Халла?

Он аж грогом поперхнулся.

– О нет, госпожа попутчица, нет-нет-нет. Мой друг... как бы тебе сказать. – Берти взвёл глаза к потолку. – Он скорее из тех, кто верит, что негодующая физиономия украшает его в разы лучше улыбки. И что нет ничего привлекательнее гордо вздёрнутого подбородка. И что всё хорошее должно начинаться со всего плохого: к любви нужен аперитив в виде ненависти, к дружбе – в виде мордобоя (ага, да, это мы с ним проходили). Короче, в душе он романтик, а на вид – редкая сволочь. Но вообще он шикарный! Думаю, он бы тебе понравился. – Берти весело подмигнул. – Тинави, а ты зачем приезжала в Норшвайн?

Я обрисовала ему причудливую конфигурацию своей жизни.

– У меня тоже отпуск. Экстремально длинный. И по некотором размышлении я решила посвятить его самостоятельному путешествию! А то так получилось, что в этом июле мои близкие либо разъехались кто куда, либо до смерти за-

няты. В частности, моему напарнику выдали серьёзную работу под прикрытием – видимо, чтобы добить его, трудоголика. Моя лучшая подруга отправилась на учения чрезвычайников на юге королевства...

– Чьи учения?..

– Чрезвычайников. То есть сотрудников Чрезвычайного департамента, который в Шолохе является чем-то вроде корпуса стражи, выходящего в авангарде в по-настоящему поганые дни для королевства. Мой второй лучший друг заперся дома, обложившись книгами – он пишет энциклопедию, и так уж вышло, что сейчас у него – самые продуктивные месяцы. А третий друг...

– Тоже лучший? – подколот меня Голден-Халла.

Я показала ему язык.

– Просто третий. На постаменте лучших есть место только для двоих.

– Боги-хранители, какая ты строгая!

– Да нет, не во мне дело, просто эти двое всех других отпинывают. Они, знаешь ли, дико ревнивые, хотя так и не скажешь. И кровожадные. Короче, мой третий друг – тот самый, кстати, саусбериец – сейчас отчаянно вгрызается в гранит науки, ибо его ждёт аттестация после тестового периода работы. Учитывая его бедовый темперамент, чем меньше будет вокруг отвлекающих факторов – тем для него лучше. Ну а ещё один мой друг...

– Я не понимаю, у тебя весь Шолох – друзья, что ли?! –

возмутился Берти.

– Ну... Нет?

– Давай про врагов, Страждущая! Так интереснее!

– Э, ну... У меня был всего один. Но он теперь тоже друг.

Наставник, точнее.

Голден-Халла закрыл лицо ладонью и издал череду каких-то странных звуков, которые по некотором размышлении я идентифицировала как смешки, граничащие с всхлипами.

– А мне ещё говорили, что у меня лёгкий характер, – пожаловался сыщик. – Вот только я почему-то случайной попутчице рассказал лишь о Моргане, а у тебя личности, обязательные к упоминанию, уже выстроились в длиннющую очередь, и, прах, я же слышу – все важны!..

– Возможно, я просто доверчивое трепло, не умеющее вовремя затыкаться, – утешила я. – Ну или твой Морган стоит всех моих, вместе взятых. Хотя это вряд ли. Нет. Что я только что сморозила, боги. Забудь последнюю фразу!

– Посмотрел бы я на их противостояние, – приснул Берти. – Вытаскиваем, значит, всех на ринг в каком-нибудь полуподвальном баре, и вот ты кричишь своей толпе: «Давайте! Правый фланг, боевая готовность! Левый фланг – устрашаем песней!» И я с другой стороны размахиваю флажками: «Мор-ган! Мор-ган!» – а он смотрит на меня как на идиота и говорит, что ему пора писать диссертацию.

– Ага, вот только ничего у него не выходит, потому что

мои ребята мгновенно утягивают его с собой в какое-нибудь подозрительное местечко, мотивируя это тем, что пора спасти город, чью-нибудь репутацию или просто вечер.

– И мы с тобой остаёмся на ринге вдвоём со всеми своими флажками и ставками.

– Аминь!

Тем самым придя к полному взаимопониманию, мы торжественно приподняли чашки.

Разговаривая, мы то и дело косились на трактирщицу. Всё это время она стояла с широкой улыбкой – всё больше походившей на оскал – и смотрела мимо нас. То ли в стену, то ли в светлое будущее.

Признаться, это выглядело жутковато.

Зато, когда кружка Берти опустела, трактирщица мгновенно подошла и поменяла её на полную.

– Добрый грог для плохой погоды! – отрапортовала она, сразу отворачиваясь, не оставляя ни шанса на беседу.

А в разговоре с ней мы с Берти до пепла нуждались. Потому что, как бы приятно ни было вот так сидеть у камина и разглагольствовать о всякой восхитительной чуши, у нас вообще-то имелся список вопросов, требующих немедленных ответов. Как минимум пропавшие возница и конь камнем лежали на наших душах (и если учесть их суммарный вес, то получалась очень тяжёлая ноша).

– Не убегайте от нас, пожалуйста, – решив, что хорошенького понемножку, взмолилась я и потянулась к локтю трак-

тирщицы.

Но ничего не вышло.

Мои пальцы провалились сквозь руку почтенной леди, и, не успела я ойкнуть от неожиданности, как вся трактирщица пару раз мигнула, будто испорченная маг-сфера, а потом и вовсе исчезла...

А что до кружки – что ж, вполне материальная кружка продолжила плыть к стойке как ни в чём не бывало. Будто её так и держали в руках.

– Класс! – выдохнул Голден-Халла, выпрыгивая из-за стола.

* * *

Я тоже подскочила и вслед за Берти приблизила нос к керамическому боку посуды, которая возмутительно спокойно попирала законы вероятности и гравитации заодно.

Так мы и добрались до барной стойки: двое согбренных придурков, идущих приставным шагом, и плывущая между ними кружка.

– Ну и ну! – воскликнул Голден-Халла. – Теперь мне ужасно хочется пощупать того сторожа у ворот, не пойми меня превратно. Ещё когда он радостно встал лицом в калитку, мне подумалось, что с ним что-то глубоко не так, но я не стал заикливаться ещё и на этой странности – был слишком замёрзшим и уставшим, если честно. Но сейчас... Что, если

сторож – тоже иллюзия?

– Вполне вероятно, – согласилась я. – А ещё может стать-ся, что это не одноразовая иллюзия... Эта дамочка слишком упорно повторяла одни и те же слова и действия, не находишь?

Я не успела договорить, а Берти уже всю закивал и, схватив меня за руку, потащил к выходу из трактира. Не тратя время на одевание, мы, как были, выскочили на улицу – бр-р-р, ну и холодрыга! – и старательно закрыли за собой дверь.

Прижались к ней спинами бок о бок.

– Три, – сказал Берти.

– Два, – отозвалась я.

– Один!

Сыщик распахнул дверь. Приветливо звякнул колокольчик. Прямоугольник тёплого оранжевого света упал на снег...

ТА-ДАМ!

Исчезнувшая было леди, целая и невредимая, снова стояла за стойкой и светилась, как ягодка *ошши*¹, воплощённое гостеприимство.

– Сядьте на лавку да выпейте грогу! – звонко начала она свою привычную песню.

Игнорируя её, мы захлопнули дверь и возбуждённо загал-

¹ *Ошши* – волшебные деревья, произрастающие в Шолохе. Знамениты огромными ягодами, светящимися в темноте.

дели.

– Зацикленная иллюзия! – Я победно вскинула руки.

– Сценарий, который отыгрывается заново при нарушении алгоритма! – подхватил Голден-Халла. – Давай ещё раз попробуем?

Теперь уже я открыла дверь.

– Сядьте на лавку... – тотчас послушно донеслось оттуда.

Голден-Халла влетел в таверну, подбежал к барменше, хлопнул её по плечу – она исчезла. Берти выбежал. Закрыл дверь. Снова открыл.

– Сядьте на лавку...

– Класс! – Голден-Халла утвердился в своей первоначальной оценке.

Едва мы оделись и окончательно покинули трактир, чтобы отправиться на разведку, как где-то неподалёку раздался скрип калитки, а затем из тихого проулка сбоку вынырнули три паренька. Когда они поравнялись с нами, Берти внезапно и подло толкнул меня на одного из них.

Взвизгнув от неожиданности, я провалилась в сугроб сквозь мгновенно рассыпавшийся морок. Другие двое не обратили никакого внимания на скорбную гибель товарища. Но при этом они остановились: флегматично посмотрели на лежащую меня, стоящего Берти и наконец певуче сказали:

– Приветствуем вас, путники, в Долине Колокольчиков!

А потом вразвалочку пошли дальше.

Их равнодушие к почившему другу покорило тонкие

струны моей души. Решив отомстить за призрака, я привстала на локте, слепила два снежка и метко запустила их в юношей. Они лопнули.

– Так вам и надо, предателям! – Я гордо задрала нос, поднимаясь. А Голден-Халла притворно вздохнул:

– Эх ты! Со спины нападать – ну не подлость ли?

– Будто ты меня не в спину толкнул!

– Я думал, тебе понравится. И вообще: это было во имя науки!

Тем временем уже знакомые нам селяне решили повторно попытать счастья с улицей: вдруг на этот раз у них получится перейти её невредимыми? Прах там был: теперь я пихнула в их сторону Берти. Сыщик, взмахнувший руками, как крыльями, с одного падения снёс всех троих.

Наши эксперименты по проверке загадочной иллюзии уже готовы были превратиться в снежное побоище, сопровождаемое демоническим хохотом и взаимными подколками, но тут...

Из безмолвия снегопада нам навстречу неожиданно выступила хрупкая фигура в чёрном.

Улыбка растерянно съехала с моего лица.

Это был мастер Силграс Авалати. И по тому, как он выглядел, стало ясно: всё серьёзно. Призрачная деревня, до сих пор демонстрировавшая лишь шутовское лёгкое волшебство, теперь собиралась показать свою тёмную сторону.

5. Первый, кто был ему рад

*Я никогда не был так счастлив, как в те годы,
и, видит небо, уже никогда не буду.*

Из дневника очень грустного норвежца

Непосредственно внешность Силграса не изменилась. Всё те же белые волосы, выразительные голубые глаза и короткая чёрная мантия с серебряными узорами.

Но теперь от него исходило слабое дрожащее сияние, на фоне которого Долина Колокольчиков будто погрузилась во мрак. Вдруг стало заметно, какие всюду глубокие, длинные, будто кинжалы, тени, и как кружащийся в воздухе снег напоминает прах.

А главная перемена заключалась в том, что в ночном небе над Силграсом висела огромная лазоревая звезда. Удлинённая, многоконечная и объёмная, она казалась выточенной из сапфира. Вот только в мире нет драгоценных камней такого размера – звезда была с самого Авалати. Её испещряли трещины – тонкие, как паутинки, но столь многочисленные, что на душе становилось муторно: вдруг разобьётся?..

С ума сойти.

Я знала, что это такое. И Берти, судя по его удивлённому вздоху, тоже знал.

Звезда альва.

А значит...

Я перевела взгляд на возницу. В ответ Силграс посмотрел на меня так же угрюмо, как и прежде во Вратах Солнца.

– Да, я альв, – безрадостно буркнул он. – Рад, что вы знаете, что это такое.

Звезда, беззвучно схлопнувшись, исчезла. Сияние угасло, но разоблачённый им мрак Долины Колокольчиков не пропал бесследно, а до времени лишь затаился в пустых переулках. Увидишь однажды – уже не сможешь забыть.

– Какой именно из альвов? – дружелюбно спросил Берти, одновременно с тем упрямо пытаюсь завести меня себе за спину. Я так же упрямо этому сопротивлялась.

Авалати достал из кармана мантии бумажный кулёк и яростно откусил от завёрнутого в него сэндвича.

– Я Силь. Владыка горных дорог.

О, боги. Так вот чьих поцелуев тут всем желают!..

– Как вы уже поняли, – продолжал Авалати, – местные жители – не люди, а лишь отражения реальных людей. И это моя вина.

Он замолчал, глядя в никуда и мрачно жуя сэндвич.

– Вам надо объяснять особенности моего бытия или вы в курсе деталей?.. – скусающе поинтересовался он.

У меня сложилось впечатление, будто Силграс старается вести себя намеренно заносчиво. Обычно люди делают так, когда им очень больно – но они стыдятся этой боли.

– Смотря о каких деталях ты говоришь, – я насторожённо

прищурилась. – Едва ли стоит ожидать от чужестранцев до-тошного знания ваших сказок – прости, вашей реальности, – но что-то я знаю.

– Я тоже, – кивнул Голден-Халла.

Надо сказать, что Берти при виде до пепла опасного существа не растерял свою солнечную приветливость. Он продолжал излучать стопроцентное доверие к миру вообще и Силграсу в частности. Вот только наша безмолвная борьба на тему моего запихивания ему за спину продолжалась, заставляя меня тихо и негодующе сопеть, а жующего Авалати – всё выше вскидывать брови.

Впрочем, оказалось, брови он вскидывал, чтобы намекнуть:

– Расскажите о том, что знаете.

– А, так это экзамен? – хмыкнула я и всё же вырвалась из хватки Берти.

Не зря, получается, для прощального ужина с родителями я выбрала ресторан «В объятиях Силля», где официанты при каждом подходе к столику так и норовили рассказать нам диковинную смесь из исторических фактов и анекдотов об этом альве. Всё в моей жизни, как обычно, складывается в изящный узор из подсказок, намёков и знаков – но оценить его получается, лишь оглядываясь назад.

– Ты – древняя сущность, Авалати. Как и у всех альвов, у тебя есть «своя» гора – в твоём случае это знаменитый пик Осколрог. Твоя особенность заключается в том, что раз в эн-

ное количество лет ты засыпаешь, а просыпаешься уже новой личностью – с другим характером и без памяти о своих прошлых воплощениях. Лишь две вещи остаются неизменными – твоя магия, сосредоточенная в лазоревой звезде, и твой артефакт – магические колокольчики... В них ты можешь прятать воспоминания и предметы, и как раз на основе этих сюжетов будет строиться твой следующий сон.

– Судя по всему, в колокольчики можно спрятать кое-что ещё. – Берти задумчиво качнулся с носков на пятки и обратно. – Например, живых людей.

Авалати насупился ещё сильнее.

– Ага. – Он отряхнул руки от крошек и быстро развернулся к трактиру. – Пойдёмте в тепло, я расскажу всё там. Заодно поужинаем.

Мы переглянулись.

– А он на удивление любит поесть, да? – хмыкнул Берти. – Впрочем, меня это радует: благодаря этому у нас будет хотя бы одна приятная тема для разговоров. Потому что, чую, ничего хорошего он с таким горьким лицом не поведает. Но при этом... Тинави, ты сочтёшь меня психом, если я скажу, что я всё ещё крайне воодушевлён всем происходящим?

– Не сочту! – Я облегчённо выдохнула. Ура, значит, с Берти можно не прятать свой аморально-азартный блеск глаз. – С самого момента исчезновения трактирщицы часть меня беззвучно орёт от восторга.

– А, так вот что это за писк!.. Прекрасно. Мы признались

друг другу, что мы маньяки загадок. Что ж, пойдём, преломим с одной из них хлеб.

– Только ты на всякий случай держи свои противоядия поближе.

– Договорились, госпожа Ловчая.

* * *

Для разговора Силграс выбрал не общий зал таверны, где нам снова громогласно предложили грог и лавку, а обшитую деревом гостиную на втором этаже. Здесь к тёплому запаху орехов добавились острые нотки перца и специй для мяса – незнакомая подавальщица накрыла для нас ужин.

Мы молчали, альв сосредоточенно трапезничал. Я искренне недоумевала, как всё это влезает в его тщедушное тельце.

– Я ем не просто так! – возмутился Силграс, когда количество брошенных мной в его сторону взглядов перешло границы всех приличий. – Еда нужна мне, чтобы сохранить оболочку. Я ношу это тело уже давно, если не буду питать его как следует, оно просто растворится, а мою душу тотчас вышвырнет обратно под гору. Если это случится, вы так и останетесь здесь, не узнав, зачем я привёл вас сюда и что произошло с Долиной Колокольчиков.

Я мгновенно пододвинула ему ещё тарелку:

– Очень вкусно, рекомендую.

– И вот это попробуй, дружище, – улыбнулся Берти.

Силграс посоветовал нам не тупить и тоже поесть – он что, зря нас угощает? – а потом, не поднимая глаз, всё-таки рассказал свою историю.

ИСТОРИЯ СИЛГРАСА АВАЛАТИ

Это случилось три столетия назад. Пик Осколрог, под которым спал Силграс, содрогнулся из-за прилива магии, и альв проснулся.

Странное чувство. Его сны были слишком похожи на смерть, чтобы он быстро смог прийти в себя.

Руки. Ноги. Глаза. Столько нового – ведь когда Силграс спал, у него отсутствовало тело, а прежде, в предыдущее пробуждение, оно было другим. Авалати не помнил, каким именно. Сны под горой надёжно стирали воспоминания о прошлом, и в этом плане, поймай Силграса какой-нибудь охочий до истории мира учёный, он разочаровался бы в разговоре с альвом.

Всё, что он знал сейчас о себе, умещалось в одну строку:

Силграс Силль Авалати, владыка горных дорог, носитель лазоревой звезды.

Если звание не несло никакой практической пользы, то звезду он мог зажигать, определённым образом прикасаясь пальцами к левой половине лица. Она была источником его магии и появлялась сама, когда он творил по-настоящему

сильные заклинания.

Ещё у Силграса в ушах висели крохотные серёжки-колокольчики, и целая гора таких же была распихана по карманам чёрной мантии и даже по сапогам.

– Камень окаянный! – по-норшвайнски сердился Силграс, вытряхивал эти стекляшки из обуви.

Более или менее разобравшись со своим телом и вспомнив, что собой представляет подлунный мир, Силграс вышел из горы и побрёл прочь. Ему нравился снег, в любое время года укрывавший ледник Осколрог, поэтому Авалати решил остаться в ближайшей холодной зоне Седых гор.

Он шёл по пустынным долинам. Белые волосы развевались на ветру, босые ступни оставляли вереницу изящных следов, колокольчики тихо звенели. Они были гарантом того, что, когда он снова уснёт, хотя бы часть ожидающей его темноты раскрасится яркими сновидениями.

В эти колокольчики Авалати мог прятать отпечатки мира. Если ему что-то понравится, будь то событие, место, человек или книга, Силграс создаст призрак этой вещи и запечатает его в колокольчике. Когда гора призовет его и потяжелевшие веки опустятся – на долгие столетия, *опять, чтоб их*, – тихий звон будет пронизывать его дрему.

Один за другим набранные им драгоценные мгновения жизни вплетутся в гобелен его сновидений, и Силграс сможет заново насладиться ими. Когда колокольчики опустеют, с ним останется только тьма. Так что в его интересах напол-

нить все – и выбирать как следует.

Но это могло подождать. У него ещё полно времени.

Удаляясь от Осколрога (местоположение пика он всегда ощущал, как невидимый духовный маяк, тянущую точку на карте мира, которую невозможно игнорировать, даже если захочешь), Силграс понял, что личность, которая досталась ему на этот раз, весьма импульсивна. И пока что – юна. Как обычно, ему предстоит какое-то время взрослеть, после чего он останется молодым на долгие годы, вплоть до своего нового сна.

Сейчас Силграсу беспричинно, но остро захотелось сделать кое-что.

Остановившись на вершине какой-то скалы, Авалати сказал вслух:

– Я – человек.

Горы промолчали.

– Я – человек! – сказал он громче.

Тишина.

– Я! – закричал Силль во всю мощь, очень яростно. – Человек!

Его голос пронёсся над ущельями, спугнул птиц из ельника, заставил тысячетлетние снега обеспокоенно заворочаться.

В душе Силграса после этих криков разлилось что-то вроде гордости.

– А раз так, – то ли пообещал, то ли погрозил он небу, заносчиво вскинув подбородок, – то я отправляюсь *жить*.

И, сердито топая, пошёл дальше.

На закате следующего дня Силль наткнулся на деревню. Высокие деревянные ворота открылись далеко не сразу.

– Проходи, мальчик, скорее проходи! – торопливо зама- хал ему сторож. – В это время года в горах беспокойно, за- чем же ты путешествуешь в одиночку? Да ещё и... – Сторож опустил взгляд и неверяще воскликнул: – Босиком?!

Силграс кое-как выкрутился, сочинил удовлетворитель- ную легенду, мимоходом выяснив, что его новая личность не только эмоциональна, но и весьма прелестна. Девушки, встретившиеся ему по пути в трактир, рекомендованный сторожем, смотрели на него с большим интересом и, хихи- кая, перешёптывались. Когда он останавливал взгляд на ком- нибудь из них, вся стайка мгновенно смущалась.

У Силграса не было денег, но был мешочек драгоценных камней – подарок его горы на прощанье. Перед тем как вый- ти, он раздробил часть из них на крохотные осколки. Кам- ни было жалко, конечно, но шокировать жителей подлунно- го мира огромными изумрудами тоже не особенно хотелось. А так блестящее крошево, хоть и казалось немного эксцен- тричным, всё-таки заменяло крупные монеты.

На вид Силграсу тогда было лет четырнадцать. В трактире он повторно рассказал сочинённую у ворот сказку о том, что он умный сын богатых родителей, который досрочно окон- чил школу и решил несколько лет поскитаться по миру пе- ред тем, как идти учиться в университет. Однако вскоре его

обрабили, и именно поэтому он босиком и без вещей.

– Значит, не такой уж ты и умный! – приснул из угла за-
ла какой-то темноволосый парнишка, но сделал это весьма
добродушно, поэтому Силграс не оскорбился, а лишь про-
должил:

– Но несколько камней я спрятал под майку, и их не на-
шли.

Трактирщица посочувствовала ему, отказалась брать
деньги и сказала, что всё могло сложиться гораздо хуже –
ведь в этой местности в последние годы бесчинствуют вол-
кодлаки. И тогда как людям нужны лишь деньги, волкодлаки
– страшные монстры – предпочитают лакомиться человече-
ской плотью.

Силграс не стал говорить, что вчера он встретил парочку,
после чего они, скуля и поджав хвосты, сбежали.

Для местных жителей волкодлаки являлись большой про-
блемой: высоченный забор вокруг деревни был построен как
защита от них, а между домами протянули тонкие гирлянды
с колокольчиками, похожими на Силграсовы. В случае напа-
дения волкодлаков дозорные дёргали за сигнальный шнур,
и всю деревню наполнял тревожный звон: «Беда, беда! Кто
сильный – помогайте держать оборону, кто слабый – прячъ-
тесь скорее в подвалы!»

– Очень интересно, – сказал Силграс в ответ на рассказ
трактирщицы.

– Очень страшно! – не согласилась она, вновь наполняя

его чашку горячим молоком. – Не дай тебе небо услышать этот звон.

Но небо как раз таки дало.

Оно всегда было щедрым. Увы.

* * *

Той же ночью, незадолго до рассвета, Силграса Авалати разбудил отчаянный перезвон.

Сначала он вообще не понял, что это такое. Сквозь дрему ему показалось, что это звенят его колокольчики – *тут колокольчики, там колокольчики, да что за дурдом!* .. Поняв, что в деревне бьют тревогу, Силль собрал волю в кулак и стал экстренно выныривать из густого варева сновидений. Получалось непозволительно медленно. Просыпаться ему было куда тяжелее, чем людям, Силграс буквально восставал из мёртвых каждое утро, и первые два часа был скорее похож на унылый труп, чем на того симпатягу, который ещё вчера вечером красовался перед зеркалом.

В общем, к тому моменту, как Авалати сбегал по лестнице на первый этаж, колокольчики уже затихли, а с улицы доносились взволнованные крики и низкое рычание волкодлаков.

Волкодлаки смогли пробить забор: для этого они долго неистово ударили по нему мощными лапами, и вот одна из деревянных секций упала, не выдержав. Теперь три огром-

ных чудовища, сотканных из всех оттенков тьмы и крови и по размеру имевших больше общего с медведями, нежели с волками, пытались прорваться внутрь.

Однако им мешал магический щит, перекрывший дыру.

Этот щит держали двое: рослый мужчина в распахнутом тулупе и тот самый мальчишка из трактира. Они были похожи. У парня из носа непрерывно текла кровь – признак магического истощения, но отец – наверняка это был отец – не говорил ему отойти.

Щит искрил, рискуя вот-вот рассыпаться, пальцы колдующих дрожали от напряжения.

Две дюжины селян с вилами наперевес стояли по бокам от них и тоже дрожали – от страха. Огромные волкодлаки с вздыбленной шерстью бешено кидались на пружинистую колдовскую стену. Кто-то из деревенских стариков тихонько завыл от ужаса.

– Держимся! – рявкнул мужчина, не оборачиваясь. У него был зычный голос настоящего лидера. – Если мы упадём – вилы вперёд! ДЕРЖИМСЯ!

– Есть держаться! – первым отозвался мальчишка, на удивление бойко, хотя кровь так и капала на снег. – Не сдаваться, не бояться, не сомневаться!

– Давай, мастер Годри! Давай, Хёгола, молодчинка!!! – в ответ подзадоривали их селяне. – Есть держаться! Вилы вперё-ё-ё-ёд!

Пусть боевой дух жителей деревни и был силён, лично у

Силграса, бегущего к ним от трактира, не было никаких сомнений в том, что мастер Годри и Хегола сейчас рухнут в обморок.

Хм... Значит ли это, что его новая личность ещё и скептическая? Или просто не выдаёт желаемое за действительное?

Пальцы старшего колдуна тряслись всё заметнее. Взмокшие тёмные волосы мальчишки облепили лицо, упрямо закусенная губа кровоточила, а кожа побледнела до цвета пшеничной муки. Но, как бы оба они ни упрямились, твари снаружи были сильнее. Мастер Годри зарычал, вкачивая в щит ещё больше энергии, Хегола мгновенно повторил за ним, как вдруг...

Позади них прозвучало заклинание, произнесённое звонким голосом. Мимо колдунов пролетело белоснежное магическое плетение. Оно пробило барьер – селяне испуганно вскрикнули, – а потом, не замедляясь, набросилось на волкодлаков. Чудовища, ещё секунду назад истекающие слюной при мысли о человеческом мясе, вдруг заскулили, развернулись и бросились прочь.

Над деревней повисла недоумённая тишина...

Люди один за другим стали оборачиваться. Каково же было их удивление, когда их взорам предстал тоненький паренёк, такой лёгкий, что мог стоять на поверхности снежного наста.

Силграс Авалати, поймав на себе столько взглядов, вы-

прямил спину и загадочно потупил глаза с длинными ресницами. Потом тщательно отряхнул ладони, раскалившиеся после колдовства, и, спохватившись, поправил свою непотребно сползшую с плеча ночную сорочку.

Когда до крестьян дошло, что их спас этот хорошенький хлюпик с треугольным личиком, они сначала пороняли челюсти, а потом, побросав вилы, стали медленно и опасно приближаться к нему – откуда такое диво?!

Но их всех обогнал мастер Годри.

Утерев пот со лба и одобрительно погладив по голове своего сына, он быстрым и решительным шагом пошёл к Силграсу. Его зелёные глаза горели огнём победы, ещё издали он протянул руку для рукопожатия. Не успел Авалати чинно сделать ответный жест, как из-за спины колдуна выскочил Хегола и тотчас с размаху бросился Силграсу на шею.

– Добро пожаловать в Долину Колокольчиков! – заорал он прямо на ухо Авалати и, повторяя за отцом, радостно взхлопал ему волосы.

Чувствуя, как шерсть с плеча чужого тулупа набивается ему в рот, Силграс только удивлённо распахнул глаза.

6. Счастливые годы в Избе-У-Колодца

*Я не могу понять, кто нравится мне больше:
мастер Хегола или мастер Авалати! Первый такой
добрый и статный, я думаю, он будет хорошим
мужем. Но второй вызывает у меня бурю эмоций,
не всегда приятных, но таких будоражащих! А кто
нравится тебе, Лайша?*

Из разговора двух молоденьких селянок

Традиционно в деревнях Седых гор было две главные избираемые должности: староста и колдун, которые вместе обеспечивали поселению безопасность. Но в Долине Колокольчиков и ту и другую роль играл мастер Годри Тофф.

Кроме него, никто из взрослых жителей Долины не умел колдовать. И в то же время никто не был настолько обаятелен, упрям и энергичен, чтобы стать старостой.

Его единственный сын, Хегола, унаследовал отцовский дар к магии. А также внешность, надёжный открытый характер и привычку никогда, никогда не сдаваться. Матери у Хеголы не было: она погибла при первом нападении волкодаков, объявившихся в Седых горах около восьми лет назад.

После триумфальной победы над тремя чудовищами никто не захотел отпускать Силграса Авалати. Он согласился погостить пару недель.

– Где ты научился такой магии?! – восхищался Хегола, который уверенно взял шефство над Силграсом, знакомя его с деревней и её жителями.

– Покажи, пожалуйста, что ещё ты умеешь, – оценивал его дар мастер Годри и одобрительно кивал, глядя на колдовство альва.

Силграс понемногу подпускал ментальные чары в рассказы о своём фальшивом прошлом, заглушал ими любопытство селян так, чтобы никто не заподозрил в нём владыку горных дорог. Но вскоре чары перестали быть нужны: Силграса признали за своего, и расспросы прекратились.

Да и сам он как-то незаметно забыл о том, что он чужак и собирался куда-то уйти. Магия была здесь ни при чём: просто Авалати *понравилось* жить в Долине Колокольчиков.

Пара недель обратилась тремя, затем месяцем, ещё одним и ещё...

Вместе с Хеголой он ходил на охоту и рыбалку, а в тёплых лесах, расположенных за погодным разломом, собирал целебные травы для зелий мастера Годри. Учился в крохотной деревенской школе, где пользовался дикой популярностью, несмотря на свой колючий характер (а может, и благодаря ему). Помогал приютившему его старцу Луке с плотницкой работой. Вместе со всеми ездил в соседние поселения – на ярмарки и фестивали. Мастер Годри учил его и Хеголу магии. Эти занятия были полезны: Авалати тренировался колдовать по-человечески, не зажигая звезду, чтобы не выдать

свою настоящую сущность.

– У тебя просто невероятный талант, – поражался мастер Годри, относившийся к альву как ко второму сыну. – Ты сможешь стать великим колдуном, Силграс. А ты, Хегола, замечательно контролируешь свою силу. Я горжусь твоим уровнем дисциплины.

Хегола действительно много времени уделял занятиям. Помимо магии, он каждое утро занимался стрельбой из лука и разнообразными физическими тренировками. Не говоря уже о дополнительных уроках по истории Седых гор и счетоводству.

Силграс же предпочитал не вылезать из кровати до тех пор, пока старец Лука насильно не вытолкает его из дома в сторону школы.

– Зачем ты так напрягаешься?! – сонно негодовал Авалати, когда Хегола однажды в субботу попытался разбудить его на рассвете, чтобы вместе попрактиковаться в колдовстве.

– Потому что мне нравится это. И потому что я хочу стать сильнее.

– Да отцепись от меня, я не покину эту кровать раньше полудня, Тофф!.. Почему Лука вообще пустил тебя в избу?! Лично я не хочу становиться сильнее! Дай мне умереть счастливым ничтожеством!

– С твоим талантом ничтожность тебе не светит, увы и ах. Но вот деградировать ты можешь. Посмотрю я на твоё лицо, когда с помощью труда обойду тебя в магии!

– Оно будет таким же, как сейчас, Хегола: сонным и злым... Уйди уже... Только... Это... Вернись за мной, если поедешь к реке купаться.

– Ну какой же ты лентяй!.. Хорошо. Вернусь.

Это были замечательные годы.

Вот только волкодлаков в окрестностях постепенно становилось всё больше. Они начали нападать гораздо чаще, чем прежде.

Дошло до того, что троим колдунам пришлось дежурить по ночам. Мастер Годри – вместе с Хеголой, которому было уже почти семнадцать и который сравнился с отцом в колдовстве, а Силграс – в одиночку. Талант всё ещё обыгрывал дисциплину. Теперь, заслышав волкодлаков, маги выходили за пределы деревни и встречали их там, пока остальная Долина пробуждалась. Так было безопаснее для селян.

Авалати не боялся этих ночей. Ему всё удавалось с лёгкостью.

Но однажды Хегола заявился к нему спозаранку, опёрся обеими руками о стол, за которым Силграс скучающе завтракал, и с горящими глазами сказал:

– Я хочу сторожить деревню вместе с тобой. Да, ты справишься и сам. Но знаешь, что лучше борьбы в одиночку?

– Что? – Авалати задумчиво накручивал на ложечку цветочный мёд для оладий.

– Командная работа, конечно! Настоящая радость – знать, что вы победили *вместе*. С этим ничто не сравнится. Ска-

жешь – нет?

– Не... не знаю. – Силграс слегка растерялся, с сомнением поднял взгляд на Тоффа: – А что в этом такого хорошего?

Тофф фыркнул, покачал головой в стиле: «Ну ты даёшь! Молодо-зелено!» Потом заговорщицки положил руку на плечо друга.

– Я покажу тебе, Силграс Авалати.

И с этих пор Хегола дежурил каждую ночь – то с отцом, то с альвом, отсыпаясь по вечерам. И когда волкодлаки напали в следующий раз, Силграс и Хегола вместе дали им отпор. Это было так странно: колдовать вдвоём, перекидывая напарнику нити плетения, слышать за спиной звон тревожных колокольчиков, топот выбегающих из домов селян...

– Понял? – улыбнулся после нападения Хегола и шлёпнул своей ладонью о подставленную ладонь Авалати.

– Понял, – облизнул губы тот.

Однако ситуация продолжала ухудшаться.

С волкодлаками было что-то не то... Казалось, избавляешься от одного – и вместо него появляются двое. Заснеженный лес кишел монстрами. Уже и днём нельзя было без опаски покидать деревню.

У других поселений, за погодными разломами, были свои беды, но все сходились на том, что Долине по-настоящему не повезло. Она стала невольным изгоем: не жила, а выживала, будто непрерывно держа осаду.

– Так больше не может продолжаться, – сказал мастер Год-

ри на общем собрании после того, как волкодлаки ясным утром загрызли кружевницу Люффи, отправившуюся к реке. – Надо разобраться с первопричиной – с костями тех ведьм в Гибловом ущелье, с которых всё началось.

– Но мастер Годри! – заголосили селяне. – Ведь оттуда волкодлаки и лезут!.. Там их десятки, если не сотни!.. Это же порождения тьмы, мы никогда с ними не справимся!.. Видят боги, однажды кто-нибудь обязательно с ними покончит, а нам нужно просто потерпеть!..

Со своего места неожиданно поднялся Хегола.

– Боги видят лишь то, что делают люди! – звонко воскликнул он, и кое-кто закивал, соглашаясь. – Этим «кем-нибудь» должны стать мы с вами. Да, страшно. Да, опасно. Но больше некому, очнитесь! Другие деревни отказались присылать колдунов, ждать нечего, петля лишь затягивается!

И снова много-много споров.

– Они правы. Неохота, конечно, но давайте я пойду в ущелье, – со своей привычной скукой в голосе неожиданно предложил Силграс, дотоле молчавший.

Хегола, приятно удивлённый инициативой друга, вскинул брови и улыбнулся. Авалати незаметно показал ему кончик языка.

– Нет, – подумав, возразил мастер Годри. – В ущелье пойдём мы с Хеголой.

– Но ведь Силграс сильнее! – воскликнул Хегола.

– Я *гораздо* сильнее! – негодуя подскочил Авалати.

Все захопали – это прозвучало едва ли не оскорбительно, – но с усталого лица Годри не исчезло спокойное выражение. Мастер Тофф подошёл и положил тёплую руку на худенькое плечо колдуна.

– Вот именно, Силграс, – тихо и серьёзно сказал он. – Как раз поэтому я и доверяю тебе самое ценное – нашу деревню. Мы с Хеголой справимся, не переживай.

Мастер Годри взял с собой тех, кто вызвался добровольно.

В следующую пятницу отряд из двух дюжин селян во главе с ним и Хеголой отправился в сторону Гиблова ущелья.

Пока они отсутствовали, монстры три ночи подряд нападали на Долину, в большем количестве и яростнее, чем обычно, и измотанный Силграс понадеялся, что, возможно, на долю ушедших остаётся не так уж много врагов.

Однако в среду на закате из всего отряда вернулись лишь пятеро. Хегола был среди них. А вот мастер Годри – нет.

* * *

Всю ночь плакали по всей Долине Колокольчиков. Младший – а точнее, теперь единственный – Тофф закрылся в своей комнате и не выходил.

Не зная, что делать, Силграс молча бродил по дому друга и долго сидел, прижавшись спиной к закрытой двери спальни. За ней звенела надорванная тишина.

– Хегола, ты там? – спросил он наконец.

– Да.

– Ты в порядке?

Бесконечная пауза. А потом глухой, надломленный голос:

– Если бы ты, а не я, пошёл с ними, отец был бы жив. Твой талант мог бы спасти его – и всех остальных. А я не справился. Никого не смог защитить. Они доверились мне, и теперь они мертвы. Так что нет, Силграс, *я совсем не в порядке*.

Авалати не знал что ответить. Перед рассветом он беззвучно ушёл, не оставив в доме никаких следов своего пребывания.

Через неделю Хеголу Тоффа выбрали новым старостой, несмотря на юный возраст. Он попросил Силграса стать деревенским колдуном.

Сначала казалось, что горе навсегда поселилось в Долине Колокольчиков. Авалати почему-то было стыдно дышать в первые дни. Стыдно причёсываться, есть, чувствовать себя нормально.

Но мало-помалу боль утихла, на улицах снова стал слышен смех, а Хегола упрямо вернулся к своим ежедневным тренировкам по колдовству, бегу и стрельбе из лука...

«Я стану сильнее. Я больше никого не подведу».

Согласно обычаю Седых гор, колдун и староста жили и работали в главном деревенском доме, разделённом на две половины – в Долине его называли Избой-У-Колодца. Когда Силграс варил магические зелья и создавал охранные амулеты на своей половине, он слышал, как за стеной Хегола при-

нимает селян с их жалобами и помогает находить решения. По субботам к дому с утра пораньше выстраивалась целая очередь, и Силграс, рыча и сопя, накрывал голову подушкой, потому что они топтались прямо у него под окнами, мешая спать.

Волкодлаков больше не было, но в Седых горах и без этого хватало чудовищ.

Следующим летом странная нежить стала угрожать деревне, находившейся за ближайшим погодным разломом. Соседи попросили у Долины Колокольчиков помощи. Сами они в своё время наотрез отказались помогать с волкодлаками, но...

– Мы поддержим их, – твёрдо сказал Хегола.

– И этих поддержим, – когда из другого поселения поступила похожая просьба.

Благодаря его решениям постепенно возобновилось давно потерянное сотрудничество между разными поселениями. Они стали сплочённее, чем когда-либо прежде. Расцвела торговля, вернулись праздники. И – нововведение – трижды в год между восемью деревнями решили проводить соревнования по разным ремёслам и играм. Это было так необычно – и так прекрасно!..

В остальные месяцы к турнирам активно готовились: всем всерьёз хотелось надрать задницы соседям.

И вскоре в Долине Колокольчиков сам процесс подготовки решили тоже сделать в виде соревнований – уже между

селянами. На центральной площади, неподалёку от того самого колодца, возле которого находилась главная изба, поставили огромный щит, на котором писали названия дисциплин, имена участников и их результаты. Получалась огромная таблица, возле которой целыми днями толпились зеваки.

И всё было бы замечательно, но по этой таблице вдруг стало видно, что Хегола Тофф катастрофически уступает Силграсу Авалати. Во всём. Даже в беге, хотя, казалось бы...

– Хм! – Хегола, стоя у щита, скрестил руки на груди под любопытными взглядами нескольких селян и самого Авалати. – Между деревнями в этом не соревнуются, но... Давай добавим шахматы, Силграс.

– Давай.

Проигрыш Хеголы.

– Прыжки в высоту.

– Хорошо. Я как раз хотел как-нибудь попробовать.

Проигрыш Хеголы.

– Бой на вилах.

– ...Э-э, мастер Тофф, но это звучит немного опасно...

– Отлично.

Проигрыш Хеголы.

Напряжение незаметно разливалось по деревне, ещё неясное, непонятное большинству, но некоторые уже озабоченно переглядывались: неужели они зря затеяли эту штуку?.. Но как теперь остановить соревнования: это же будет выглядеть так, будто все они Хеголу жалеют, унижительно выйдет,

кошмарно?

Силграс Авалати не чувствовал подвоха. Ну, подумаешь, у Тоффа плохое настроение изо дня в день. Тоже мне, трагедия. Он всегда легко взрывается, но потом быстро отходит. Надо просто рассказать ему, как красотка Лойя Доренни беззастенчиво нахваливала его и всё пыталась выведать, есть ли у него подружка, пока Силграс смешивал ей микстуру от кашля. Лойя даже набралась храбрости, чтобы посоветоваться, как лучше предложить Тоффу пойти на свидание. Хегола от таких новостей живо придёт в себя. Он всегда стеснялся девушек – в отличие от Силграса, который заигрывал с ними почти профессионально (с каким-то своим, эгоистичным обаянием). Силграс знал, что Хегола в свои двадцать лет ещё ни с кем не встречался. До смерти мастера Годри он был погружён в их мальчишеский досуг и свои занятия. А теперь большую часть времени занимала работа старосты и опять же тренировки...

Хотя, ей-небо, половина селянок мечтала, чтобы заботливый, ответственный, красивый Тофф сорвал с их уст поцелуй.

– Пойдём в тёплый лес на охоту на куропаток? – предложил Силграс, привычно заходя на принадлежавшую Хеголе половину дома.

«Светлую половину», как он шутил, свою называя «тёмной», хотя как раз Силграс был беленьким, как гусиное пёрышко, а волосы Хеголы цветом напоминали о чёрном соко-

лином крыле. Но в комнатах Тоффа всегда был порядок, а у Силграса царил такой безнадежный круглосуточный бардак, что и впрямь было темновато: загромождение предметов плодило тени.

– Не хочу. У меня много дел.

Тофф копался в свитках с отчётами селян о ярмарочных продажах.

– Ну Хе-е-е-егола. – Силграс капризной звездой разлёгся на полу, чуть ли не стал барабанить по нему ногами, как ребёнок.

– Отстань, Авалати. Иди работать.

– А может, всё-таки постреляем куропаток...

– Я сказал: отвали. Что тут неясного?

В глазах обернувшегося от стола Тоффа полыхнул гнев. Силграс мигом перестал канючить, резко сел и прищурился.

– Что-то не так?

– Я занят. А ты этого явно не понимаешь.

– Да ладно тебе, ведь всё это ждёт до завтра. Не слишком-то важные это бумаги – подумаешь, циферки...

– Не слишком важные?! – рявкнул Тофф, вставая из-за стола. – Силграс, я понимаю, что ты весь такой из себя молодой колдун и с ума сойти какая творческая личность, но на мне держится эта окаянная деревня. Да, твоя магия – потрясающая, твои таланты – бесценны, и твои победы – что ж, блестящие, – Хегола сглотнул, – но... На мне – наши земли, наш скот, торговля, строительство и ещё пепел знает сколько

всего. То, что ты ничего не смыслишь в моих «циферках», не делает их неважными! Скорее, это кое-что говорит о тебе. Кое-что, что тебе *не понравится*.

Силграсу стало неуютно под взглядом старосты. Он молча поднялся с ковра и пошёл к выходу. Уже дотронувшись до дверной ручки, оглянулся. Тофф стоял, сложив руки на груди.

– Я пойду на охоту один, – глядя исподлобья, предупредил Авалати, будто рассчитывая, что друг передумает.

– Иди, – раздражённо бросил Тофф.

* * *

Последним в списке турниров было соревнование по стрельбе из лука. В первом туре было десять человек, во втором пять, ну и в третьем, конечно же, остались лишь Силграс и Хегола.

Они шли вровень, но с последней стрелой Тофф промазал. А вот Авалати – попал.

– Есть! – рассмеялся он и вскинул руку, чтобы привычно дать напарнику «пять».

Но Тофф в гробовом молчании повесил лук на стену и быстро ушёл. Никто не попробовал его остановить. Все стояли, не зная куда девать глаза, и вот тут-то наконец проняло даже Силграса. Пришибло запоздалым осознанием: для Тоффа эта игра давно перестала быть приятной.

– Ну... кхм... – сказал старец Лука, выходя перед зрителями и почёсывая бородавчатый нос. – Вот соревнования и закончены. Всем спасибо, до свидания... Увидимся... Э-э-э... В трактире за ужином...

– Думаете, Тофф придёт?..

– Да кто ж теперь его, Тоффа, знает-то...

Авалати моргнул. Внимательным взглядом обвёл расстроенных селян. Нет, они его не винили. И Хеголу не винили. Им всем просто было довольно паршиво, увы.

Силграс чуть не взвыл от досады. Потом впихнул лук в руки молочнику, сбросил колчан и бегом, не реагируя на крики «Ты куда, милый?!», помчался вслед за ушедшим Тоффом.

* * *

Тот, видимо, тоже бежал. Отпечатки сапог сначала вились по деревне, потом ускользали за ворота, продолжались в поле, на опушке, в лесу... Силграс перевёл зрение в «режим альфа», позволяющий видеть дальше и глубже, чем люди, иначе бы он давно уже потерял след Хеголы.

Вечерело. Закатное солнце накололось на пик Осколрог и растеклось желтком неопределённого багряного цвета. Жгучий холод затопил овраги, птицы притихли в своих гнёздах, послышался жадный волчий вой и тихие скрипы старых деревьев, как будто мимо них проходило что-то большое, страшное...

С-с-сажа.

В соседних деревнях в последнее время только и говорили, что в лесу стало пахнуть прахом и кровью – а это вполне могло значить, что в окрестностях кое-кто появился...

С-с-с-сажа!..

Силграс побежал ещё быстрее.

– Хегола! – заорал он, прижав руки ко рту. – Не глупи!

Возвращайся, Тофф!

В ответ лишь веточки хрустели под его ногами.

– Хегола! Козёл!

Вот с искусством убеждения у Авалати было так себе.

Силграс перепрыгнул было через поваленное бревно, но неожиданно зацепился за него штаниной и плашмя растянулся на земле.

– Чтоб тебя обуглило, – процедил он, сплёвывая ошмётки коры.

Заскрипел снег под чыми-то решительными шагами, и в поле зрения альва показались два знакомых сапога. К ним прилагался Хегола Тофф: совершенно разбитый и злой, с воспалённо-красными глазами (плакал, что ли?), с застёгнутой как попало курткой и с искажённым от ярости лицом.

– Ну и что ты здесь бегаешь и орёшь? – рывкнул староста. – Неужели не ясно, что я хочу побыть один?!

– Из-за чего это, интересно?! – вспыхнул, в свою очередь, Авалати, взбешённый своим идиотским распластанным положением. – Из-за того, что проиграл? Ты что, девчонка, что

ли, устраивать истерики из-за таких...

Он не договорил: Тофф поднял его за шкурку и, поставив на землю, тотчас грубо оттолкнул. Подвернувшееся под ноги бревно опять чуть не стало причиной падения, но на этот раз Силграс всё-таки устоял.

– Ты серьёзно не понимаешь?! – Глядя исподлобья, староста наступал на друга. – Вспомни, сколько времени тренировкам уделяю я. Сколько – ты. И каков результат, что в магии, что в чём угодно ещё? К чему это привело три года назад?! А к чему ещё приведёт?! А ррр! Убирайся, Авалати! – чуть ли не взвыл он. – Вали обратно в деревню и хоть ненадолго оставь меня в покое, самовлюблённый ты глухарь!

– Что-о-о?! Как ты меня назвал?! Да иди ты в задницу, Тофф!

Хегола хотел ответить, но ему не дали.

Вдалеке раздался протяжный скрип старой ели, потом – шорох ветвей и тяжёлый звук удара о землю. Затем – ещё один. Деревья падали одно за другим. *Что-то*, идущее по лесу, скашивало их, как серпом.

– *Кто по лесу-леску идёт, ягоду волчью срывает; кто всю ночь от кошмаров кричит, хвою с ветвей обрывает...* – раздался призрачный многоголосый шёпот.

Тофф побледнел. Кровь отхлынула от его лица, кадык дёрнулся и, выругавшись, он схватил колдуна за локоть.

– Это Леший!.. Силграс, бежим отсюда!

– Поздно, – сказал тот, поднимая взгляд наверх.

Из-за деревьев вышло *оно*. Седая, косматая тьма, в которой проглядывали раздробленные кости, сложенные в огромную сущность, череп вместо лица, оленьи рога, украшенные отрезанными человеческими пальцами и ягодами рябины... Горящие красным впадины глаз. А на шее – мёртвые крысы на нитках, что и пели эту дикую песнь.

Леший утробно зарычал, глядя на две фигурки впереди, и тьма стала расползаться от него во все стороны.

– Бежим! – ещё раз рывкнул Тофф и попробовал, обхватив друга за плечи, просто утянуть его за собой, но тут Силграс...

...Преобразился.

Он коснулся пальцами своего лица – и тотчас взметнулись белым пламенем волосы, вспыхнули голубым глаза, и мягкое сияние окутало Авалати.

А главное – в небе над Силграсом загорелась огромная, созданная будто из драгоценного камня звезда. Такая же, как над Лешим. Но у Лешего она была яшмовая, цвета подгнившей брусники, а у Силграса – сапфировая, ясная и чистая.

Хегола Тофф застыл на месте.

Два альва. Боги-хранители, что происходит? Два альва...

Староста, как в тумане, наблюдал за боем. Сознание отвергало происходящее. Прошло пятнадцать минут – а может, и два часа, – и страшно раненный Леший, разбрызгивая чёрную кровь, сипя и держась за сломанный рог, сбежал, сопровождаемый визгом своих крыс. А Силграс – тяжело и

хрипло дышащий, с безумным взглядом и оскаленными клыками – повернулся к нему.

Тофф с отвращением понял, что его буквально колотит от страха. Колени подгибались, хотелось лечь в сугроб и закрыть глаза. Но – не сдаваться, не бояться, не сомневаться!

– Нам, – сурово проговорил Хегола, стараясь не выдать свою панику, – надо поговорить.

– Да, – облизнулся Силграс и поправил волосы.

7. Недочеловек и заурядность

Вы даже не представляете, как глубоко могут ранить слова, сказанные в пылу ссоры. Вы забудете о них, но другой будет помнить и чувствовать, как они подтачивают его сердце и вашу дружбу. Будьте осторожны с теми, кто вам дорог.

Мариша Ленковала, Мастер Лёгких Мыслей

Хегола сохранил тайну Силграса Авалати.

Новость о том, кем на самом деле является его напарник, перекрыла для старосты горечь всех недавних поражений. Она была слишком будоражащей, волнующей, грандиозной. Этот секрет сильно сблизил их: в дружбу добавилось новое манящее измерение *истинной магии*, чего-то более глубокого и трепетного, стоящего над радостями и бедами повседневности.

Вселенная. Ткань времени. Бытие.

И – дорогой человек рядом, с которым можно всё это разделить, которому доверяешь, как себе. Возможно, даже больше, чем себе.

– Расскажи о своих предыдущих жизнях, – просил Тофф, когда они сидели на крыше Избы-У-Колодца с добрыми пинтами браги в руках.

– Да я ни пепла не помню, – отмахивался Авалати. – Когда я просыпаюсь, у меня в голове само по себе появляется зна-

ние о том, как устроен мир, магия, общество, я сам и другие альвы. Но о моих предыдущих воплощениях – ничего.

– А то, кем ты родишься, зависит от того, как ты вёл себя в прошлый раз, да?

– Конечно, – важно кивал Силграс. Тофф, как ребёнок, восторженно расширял глаза («Я знал, знал!»), но альв продолжал без паузы: – Я такой невероятный красавчик именно потому, что у меня ещё и сердце золотое. Кругом хорош. Ты что, не замечал?

– Ой, да иди ты, – разочарованно отмахивался Хегола.

– Нет, ты серьёзно веришь, – Авалати фыркнул, – что поведение может влиять на твою следующую жизнь?!

– Вот переродишься слизнем за свой отвратный характер, тогда и поговорим.

Тоффу заметно полегчало. «Мы завидуем только тем, на чьи успехи сами можем претендовать, – думал он, с прежним энтузиазмом вернувшись к своему самосовершенствованию. – Ави же – принципиально иное существо... Логично, что я не мог догнать его все эти годы. Но ничего. Ещё обязательно догоню!»

Силграс тоже выдохнул: он и не подозревал, что собственная тайна прежде тяготила его.

Конфликты они теперь переводили в разряд шуток. Если Силграс вёл себя эгоистично или слишком заносчиво, Хегола разводил руками: «Ну чего ещё ждать от идиотского альва!» Если Тофф ошибался или переживал из-за чего-то

непонятного, Авалати закатывал глаза: «Сразу видно – слабый человечиска».

Вот только Хегола и Силграс не заметили, как эти ироничные упрёки стали такими привычными, что проросли в них уже безо всякого юмора, невольно вписались в их картину мира.

Надо думать, что повторяешь. Даже в шутку.

Потом было ещё многое. Ещё радости. Ещё беды – даже такие, что превосходили горе событий у Гиблова ущелья, однако не разбили дружбу старосты и колдуна...

Но когда им исполнилось по двадцать четыре года (Хеголе – по-настоящему, Силграсу – самопровозглашённо), Тофф влюбился.

Её звали Эльза, она не так давно переехала в Долину Колокольчиков и восхитительно играла на лютне. Хеголе никак не хватало духу что-то сделать со своими чувствами – признаться или что-то вроде того, но он постоянно трещал об Эльзе, и Силграс глубоко призадумался на этот счёт.

Авалати всегда обожали девушки, он неизменно был в центре внимания, но ни с кем всерьёз не сближался. Теперь же ему захотелось выяснить, какая такая великая любовь мучает его напарника, заставляя его попеременно бледнеть и краснеть перед лицом новенькой селянки.

Силграс с головой нырнул в романтическую жизнь, что при его своеобразном подходе стало катастрофой для Долины Колокольчиков. Количество по уши влюбившихся и бро-

шенных селянок росло как снежный ком.

– Твою ж мать, ты совсем сдурел, Авалати?! – не выдержав, влетел к нему с утра пораньше негодующий Хегола. – У тебя вообще сердце есть?!

– А что такого?

– Даже самый тупой человек понимает, что тут такого!

– Ну, я-то альв. – Силграс продолжал беспечно полировать ногти, пока Хегола не взял его за шкурку и хорошенько не потрянул.

– Не вздумай. Больше. Так. Делать. Иначе я выгоню тебя к пепловой бабушке из своей деревни.

У Силграса внутри всё окаменело.

«*Выгоню*». Это был его самый сильный страх с того дня, когда они столкнулись с Лешим и Хегола увидел его истинную сущность.

Но со стороны тайное смятение Авалати не получилось бы заметить: на его лице не дёрнулся ни один мускул.

– Своей? Вот как мы заговорили? – Даже понимая, что староста *чересчур* зол, Силграс не мог перестать язвить. – А я думал, мы побратались на крови и всё такое. Что, мне теперь жить в ужасе перед твоими решениями?..

– Я не шучу. Посмотри на меня, Силграс. В глаза. И поклянись, что ты прекратишь *немедленно*. Раз так приспичило, выбери одну и женись, идиотина!

Тофф был серьёзен.

Очень серьёзен, и Авалати с тревогой понял, что он прав-

да не совсем понимает, что так взбесило друга. Это же *глупо*, боги. Как можно из-за этого переживать?.. Неужели старосте приличия и девицы важнее их дружбы? Как Тофф может так огорчаться из-за мнения каких-то людишек?

Стоп.

Авалати моргнул, сам себя поймав на этом презрительном слове: «людишки».

Пепел. Нет. Он так не считает. Жители Долины Колокольчиков важны для него. Они – его *дом*. Он их ценит, он уважает их всех, не только Тоффа, просто иногда они и впрямь ведут себя так наивно или переживают из-за таких малозначимых вещей... Такие глупые, ох... Сердце альва заколотилось.

Может, с ним действительно что-то не так, раз он так думает? Но разве это плохо – быть другим? Разве это значит, что ему здесь не место или его надо изгонять? Что ему надо сделать, чтобы Тофф так больше не говорил, ни в шутку, ни в ссорах?

– Поклянись, – повторно потребовал староста.

– Клянусь, – задумчиво кивнул колдун.

И сдержал слово.

Но слегка своеобразно...

Однажды вечером Хегола, по привычке с ноги распахнув дверь, ворвался на «тёмную половину» Избы-У-Колодца с какими-то срочными делами. Но Силграс внутри не бездельничал, как обычно, или не варил какие-то новые зелья, а...

Целовался.

С Эльзой Донохи. С той самой, в которую Хегола вообще-то был влюблён и кольцо для которой носил в кармане уже пару месяцев. И о чём Силграс знал, как никто другой. Помогал выбирать у городского ювелира...

Сцена получилась до ужаса некрасивая.

После этого, по давно заведённому им порядку, Тофф и Авалати умчались выяснять отношения в лес. Тофф убежал, Авалати догонял. Хоть что-то в этом мире оставалось неизменным.

Староста и колдун орали друг на друга посреди заснеженной поляны, и с каждой новой репликой их слова становились всё жёстче и злее.

– Не вздумай ко мне приближаться, Силграс Авалати, иначе я за себя не отвечаю. – На Хеголу было страшно смотреть. – Ты клялся. Глядя мне в глаза, ты поклялся, что не разобьёшь сердце больше ни одной селянке. И я, идиот, тебе поверил, чтобы теперь ты крутил шашни с девушкой, которую я люблю?!

– Да Хегола! Да я просто...

– Просто?! – взревел староста. – Конечно, у тебя всё просто, бессмертный ты выродок!

– Я планировал её так отвадить! – зашипел, брызжа слюной и чуть не плача, Авалати. – Быстренько дать ей то, что она хочет, чтобы она разочаровалась, больше никогда не думала обо мне и пошла к тебе! Понимаешь?!

Хегола побледнел как полотно.

– То есть ты считаешь себя лучше меня, – каким-то чужим, глухим голосом сказал он. – А Эльзу считаешь шлюхой.

Силграс запнулся. Логика Тоффа от него ускользала.

– Как я мог, – Хегола поднял лицо к небу. – Как я могу всю жизнь видеть в тебе своего друга, почти брата, если очевидно, что всё человеческое, нормальное, *адекватное* тебе чуждо?

Голос старосты становился громче, он говорил быстрее, злее, напористее.

– Ты только притворяешься одним из нас, а на деле был и остаёшься самодовольным равнодушным чудовищем, Силграс. С тех пор, как я узнал, что ты альв, я делал на это скидку всякий раз, когда ты проявлял свои эгоизм, лень, бесчувственность, откровенную глупость и легкомыслие... – Тофф нарочито-театрально загибал пальцы. Когда таким образом сжался кулак, он без промедления врезал Силграсу Авалати. – Но я не прощу то, что ты полез к моей девушке, долбаный недочеловек!

У Авалати аж в глазах потемнело – то ли от ярости, то ли от боли, то ли от обиды на всё-всё-всё.

Сплюнув кровь, Силграс вскинул подбородок и тонко, позмеиному улыбнулся.

– *Недочеловек?* – проворковал он. – Вот кем, значит, ты меня считаешь? Вечно укоряешь меня в высокомерии, а сам – посмотрите-ка! – всё не можешь принять того факта, что

кто-то в этом мире в чём-то может быть лучше тебя! Всё сравниваешь, всё беспокоишься, обижаешься на любой, даже крохотный, проигрыш! Жаждешь свою Эльзу схватить за юбку и трясти, трясти, пока она тебе не скажет, что это ты, конечно же, тут герой, а если кто-то тебя и сильнее, то это просто потому, что ему повезло, да?! А на самом деле всего и всегда достоин был только ты, самый лучший мальчик?! – Авалати нарочито и зло засюсюкал. – Такие сказки тебе нужны, Хегола?! Вырасти уже наконец и признай, что вся твоя злость происходит из того, что ты гордец и завистник!

Лицо Хеголы окаменело. Желваки заходили под скулами. – Я давно уже тебе не завидую, – прорычал он.

Силграс, отвлѣкшийся, чтобы проверить пальцем зуб – не шатается ли? – замер. В голосе Тоффа было что-то... железное. Не такое, как во время прежних скандалов. Дыхание у альва перехватило от смутного и страшного предчувствия.

– Внутри у тебя лишь холод и пустота. – Тофф пожал плечами. – Ты думаешь о своих зубах больше, чем о нашей дружбе. Чему тут завидовать?

Это серое безразличие причинило Силграсу гораздо больше боли, чем могла бы даже самая грязная ругань.

– Ты пожалеешь о своих словах, Хегола, и... – начал он, глядя на напарника исподлобья, но тот, как не слыша, продолжал:

– Ты не меняешься. Вообще. Не растёшь и не развиваешься. Ты – данность, у которой нет ни настоящих чувств, ни

привязанностей. Да и впрямь: что тебе наша деревня перед лицом бессмертия? Ты даже ничего не запомнишь, уснув. Естественно, тебе плевать на всех, кто рядом. Так что единственное, о чём я пожалею, Силграс, так это о том, что считал тебя своей родной душой.

Авалати зарычал. Бесстрастное лицо вечно эмоционального Хеголы сводило его с ума.

– Ты врёшь! – заорал альв. – Я меняюсь! Ещё как расту и меняюсь!

Вообще-то он хотел сказать: «У меня есть чувства и привязанности. Я был и буду твоим лучшим другом, идиот, даже если мир развалится на куски». Но Силграс не смог: ему было стыдно так говорить.

А Тофф лишь прикрыл глаза, на основе прозвучавшего ответа сделав свои – неправильные – выводы из того, что альву было важнее всего из услышанного.

«Почему, почему ты ответил именно так? Неужели я попадаю в точку, говоря все это?..» – с болью думал Хегола.

Вслух он лишь разочарованно и устало бросил:

– Неправда. Твои силы, характер и навыки ничуть не изменились за все эти годы.

Силграсу из-за этой чуждой интонации казалось, что его вновь и вновь обливают кипящей водой, варя заживо. Ему хотелось схватить Тоффа и трясти до тех пор, пока тот снова не станет орать, как прежде, как он делал всегда, после чего они обязательно мирились.

– А вот мои навыки, раз ты хочешь говорить именно об *этом*, – бесстрастно продолжал Хегола, – становятся глубже. Да, мне до сих пор далеко до тебя, но... Я нагоню тебя, Силграс. – Тофф вскинул подбородок. – Не пройдёт и нескольких лет, как я всё-таки превзойду тебя – и в боях, и в колдовстве. Потому что мне *есть* ради чего и ради кого становиться лучше. Моя деревня. Мой дом. Эльза. Ради них я горы сверну.

«А ради меня? – тупо подумал Силграс. – Я что – не семья? Какая-то левая баба, приехавшая год назад, дороже меня? И разве Долина – не мой дом тоже? Разве я ради неё не готов на всё? Ну и что, что я не человек?! Ну и что, Хегола?!»

Внутри у Силграса всё кричало и плакало, хотело объяснений, признаний (давай всем скажем, что я альв!), извинений (ну да, я зря её целовал, но я же хотел как лучше, прости, прости!)...

Но вместо всего этого мастер Авалати натянул самое стервозное выражение на лицо и, улыбнувшись, сказал:

– Говоришь, ты превзойдёшь меня за несколько лет? Ну давай проверим.

И вдруг, выбросив руку в сторону Долины, он призвал оттуда свои магические колокольчики, что уже много лет пылились, спрятанные под половицей в спальне. И, зажгя в небе лазоревую звезду, Силграс наполнил их. Вот только не отпечатками – а настоящими селянами. И зачаровал Долину так, что ничто в деревне теперь не было подвластно неумолимо-

му ходу времени, а оставшиеся от людей призрачные копии лишь слабо реагировали на реальность.

– Расколдовывай, Хегола. Доказывай, что ты там хотел доказать, а я пока пойду по своим нечеловеческим, столь омерзительным тебе делам, – почти выплюнул Авалати, чувствуя, как его сердце отчаянно колотится, готовое разорваться то ли от боли, то ли от ужаса при мысли о только что содеянном. – Передумаешь или поймёшь, что я хотел как лучше – Эльза *сама* на мне повисла, идиот, я *всегда* держу свои обещания, – тогда разбей вот это. И я вернусь.

И альв швырнул в лицо побелевшему старосте последний оставшийся колокольчик, который все эти годы носил как серьгу.

Развернулся. Ушёл.

* * *

Тинави из Дома Страждущих

На этом месте Силграс надолго замолчал.

В натопленной комнате разлилась тишина, янтарная и гулкая, как медовуха.

– Что случилось потом? – наконец прервала молчание я.

Силграс не спешил отвечать, зато отозвался Берти:

– Я так понимаю, – сыщик пристально посмотрел на альва, – что ничего хорошего. Раз уж по улицам до сих пор бродят призраки, а не люди.

Авалати кивнул:

– В первые несколько дней Тофф не стал звать меня. Я ошивался здесь неподалёку, всё ждал, пока он разобьёт тот колокольчик. Но он всегда был слишком упрямым. При этом я знал, что он никак не сможет расколдовать Долину: заклинание альва может снять только сам альв. Без вариантов. Меня мучила совесть. Иногда я хотел вернуться, но... – Авалати поморщился. – Но всё же мне казалось, что правильнее будет, если он позовёт, ведь это он тогда на меня накричал первым.

Я аж поперхнулась.

О да. А ты записнул всех ваших близких в волшебные колокольчики, это ничего?

– Сейчас-то я понимаю, что был не прав, – процедил Силграс, заметив мой красноречиво-убийственный взгляд. – Ну а потом...

Авалати опустил голову и потёр нос костяшками пальцев.

– Леший нашёл меня вместе со своими чудовищными прихвостнями. И отомстил за ту нашу старую драку в лесу. Я тогда сломал ему рог – а это страшное оскорбление... Он мстил и прежде, я сейчас не стал рассказывать об этом, чтобы не удлиннять и без того долгую историю, но в этот раз... Впервые я не смог дать отпор. Он очень сильно ранил меня,

а я всё ещё был слаб после зачарования деревни. Я нашёл в себе силы доползти до Долины Ручьёв и Трав, где властвует зелёная госпожа, и уснул там. Не своим настоящим сном, а просто – исцеляющим. Проснулся я, – Силграс облизнул губы, – прошлым летом. То есть двести девяносто лет спустя.

От такой чудовищной цифры у меня закружилась голова.
Двести. Девяносто. Лет.

– Боги-хранители... – только и прошептал Голден-Халла, не менее ошеломлённый, чем я.

– Да. – Авалати стал яростно расчёсывать своё запястье. – Было件нятно, что Хегола уже мёртв. Он погиб, так и не сумев расколдовать Долину. Как я выяснил, он пробыл здесь достаточно долгое время после моего ухода, безуспешно пытаясь снять заклинание, а затем отправился вместе с колокольчиками в мёртвый город Асулен. Возможно, вы слышали об этом магическом месте?

Мы с Берти кивнули.

Покинутый Асулен – он же город ста безмолвных колоколен, утонувшая в веках родина давным-давно исчезнувших великанов. Там царит вечная осень, и сухая листва, кружась, шепчет голосами растворившихся в небытии жителей.

В комнату вошла призрачная трактирщица и подлила нам ещё грога.

– Спасибо, Гедвига, – сказал ей Силграс, и она нежно улыбнулась. Затем Авалати выдавил:

– Вероятно, Тофф надеялся, что найдёт в Асулене спо-

соб расколдовать деревню. Но вместо этого он нашёл свою смерть... Снежные духи сну передали, что там под Рассветной башней лежит его скелет. Если бы Хеголу убили одинокие тени, главный бич Асулена, то костей бы не осталось. Если бы убил человек – забрал бы драгоценный сундук, в который Тофф сложил колокольчики. Я заманил вас сюда, чтобы попросить привезти мне его. И чтобы вы узнали, – Силграс сглотнул, – как умер мой друг.

Я молчала. Безжалостное, неостановимое время всегда казалось мне самой страшной вещью во вселенной – настоящим и единственным врагом всего живого, – и от истории Силграса и Хеголы у меня горько сжималось сердце.

Берти между тем был воплощением рациональности:

– А почему ты сам не заберёшь свой сундук, Силграс? Прости, но ты не похож на парня, которого испугала бы поездка в Покинутый Асулен. Во всяком случае, настолько, чтобы он попробовал подрядить на это каких-то случайных чужеземцев.

– Я бы с удовольствием сделал всё сам, но не могу переступить границы Асулена, – Силграс поджал губы. – Так устроена моя жизнь: чем дальше я хожу с данным мне телом, тем неизбежнее меня притягивает моя гора. С каждым годом мне всё сложнее находиться вдалеке от пика Осколрог. Асулен уже недоступен мне, как и многие другие города севера. Именно поэтому мне пришлось придумать план с привлечением колдунов из Врат Солнца.

Как оказалось, мы с Берти были не первыми путешественниками, на которых Силграс положил глаз как на потенциальных помощников.

Сложность заключалась в том, что чужакам в заколдованную Долину Колокольчиков можно было попасть только добровольно и в полном сознании, но при этом, если искать её специально – не найдёшь. Поэтому возница разработал план с «исчезновением» и «коварным снуи».

Раз за разом ничего не удавалось: путники, заманенные в кэб и брошенные посреди горы, дружно слали приключения к праховой бабушке и пешком возвращались в город. В этом случае Силграс догонял их, стирал им память и уже вёз по назначенному адресу нормально (репутацию надо беречь). Лишь изредка кто-то оставался на дороге достаточно долго для того, чтобы ему являлся снуи, но... Все путешественники из данной категории умудрялись попасть под чары снежного духа, что тоже не подходило.

В общем, вознице нужны были два безбашенно-любопытных человека с иммунитетом к гипнозу, которые в ночи бы попёрлись навстречу проблемам, а не тёплому очагу. И в этом плане ему повезло – в кои-то веки! – с нами.

– Помогите мне, – буркнул Силграс в конце концов. И с видимым трудом добавил: – Пожалуйста. Я хочу исправить то, что ещё можно исправить...

Глядя на бледного Авалати, эту загадку природы, однажды споткнувшуюся о собственный страх показаться сла-

бым, я тихо сказала:

– Я готова.

Берти, до того задумчиво водивший по столу пальцем, поднял голову:

– Я тоже.

Силграс рвано выдохнул, кивнул и отвернулся.

8. Тем временем Морган

Скальники – народ, ныне живущий под стенами Покинутого Асулена. Во многих поселениях Седых гор на роль деревенского колдуна стараются пригласить шамана из числа скальников: они мастерски изгоняют тёмные силы, что неудивительно, учитывая их место проживания.
Справочник «О нравах и традициях Норривайна»

Морган Гарвус

Морган проснулся, Морган поел, Морган пострадал.

Долбаная диссертация, как же неохота её писать!..

В шале было тихо. Ворон Кори мирно чистил пёрышки в своём углу, в гостиной на первом этаже тикали часы, а на улице светило яркое полуденное солнце, во всей красе показывающее чистые голубые и белые цвета пейзажа. Тишь да гладь. Дом Гарвуса, как цукат, единственный торчал на сахарном кексе холма. Да-да, Морган купил шале в одной из непопулярных заснеженных зон Седых гор, ведь он обожал зиму.

Жители ближайшей деревеньки считали его загадочным богачом-интеллектуалом с причудами. По сути, они были правы. Однако им казалось, что будни Моргана должны быть

очень возвышенными и романтичными, но в реальности – вот он, сидит, натурально бьётся головой об стол, кляня себя за то, что с какой-то радости выбрал научную стезю.

«Бум». – Удар. – «Бум».

И ведь не то чтобы кто-то заставлял Гарвуса быть учёным. Миру на самом-то деле глубоко наплевать, кто чем занят. Ты смертный? Поздравляем, твоя план-программа минимальна: рождаешься, суетишься, умираешь. Стиль суеты можешь выбрать сам, на свой вкус, так и быть.

Так. Ладно.

Надо собраться.

Потерев покрасневший лоб, Гарвус гневно фыркнул и поставил чашку поверх стопки черновиков, смутно надеясь, что она сейчас перевернётся и чай из неё зальёт к праховой бабушке все его бездарные писульки. Тогда можно будет с чистой совестью сообщить в Башню магов, что срок сдачи исследования необходимо увеличить ввиду непреодолимых внешних обстоятельств...

– Кар-р-р! – ехидно прокомментировал Корвин.

Кажется, мудрая птица догадывалась о том, какие мысли бродят в голове её хозяина.

– Да, я прокрастинирую, – надменно признал Морган.

А потом с тяжким вздохом откинулся на спинку стула и накрыл лицо случайной книгой со стола. Какое-то время он провёл в этой позе, неудобной, но эффектной. Потом сдался и снова сел нормально.

– Может, мне сделать перерыв и поизучать Седые горы? – прищурился он, глядя в окно. Вид из кабинета был потрясающий, манил и обещал приключения.

– Кар, кар, кар! – Кори завозмущался и захлопал крыльями.

Гарвус обернулся на ворона.

– Полагаешь, это не лучшая идея для одинокого учёного? – Он всегда очень быстро интерпретировал «высказывания» своего питомца. Не факт, правда, что правильно. – Ну да, так говорят. Но ведь Голден-Халле это не помешало свалить отсюда. А я уж точно дам сто очков вперёд этой рыжей бестолочи. Где он не пропадёт, там я тем более буду в безопасности...

Кори как-то странно шевельнул крылом, будто пытаюсь покрутить перьями у виска.

– А, – нахмурился Морган. – Ты о том, что если он попадёт в беду, то наверняка попробует связаться со мной? Ну да, в этом случае действительно будет как-то нехорошо, если посланная им почтовая белка окажется перед запертыми дверями. С другой стороны, я могу нанять кого-нибудь для ежедневных проверок... – продолжил рассуждать доктор, поглаживая подбородок.

Впрочем, это было притворством. И сам Морган, и Кори знали: куда они не уедут из коттеджа, пока кое-кто невыносимый не пришлёт весточку, мол, я выбрался из Норшвай-на живой и невредимый, йоу.

Но рассуждения о вещах, которые явно не будут сделаны, тоже были элементом знаменитой моргановской прокрастинации.

Обычно она длилась дней десять. За это время Гарвус успевал тысячу раз в сердцах назвать себя «ничтожеством» и придумать с полсотни изощрённых способов самоубийства, ибо как этой несчастной земле в дальнейшем носить такого дурня, как он, не совсем понятно. Лучше помочь ей от себя избавиться. Милосерднее будет.

А затем Моргана перещёлкивало.

Он переставал мучиться и вдруг с холодной ясностью понимал, что, кроме него, никто его работу не сделает. И вспоминал, что вообще-то он *обожает* свою науку. И что надо просто начать, и продолжать, и не сдаваться, и желательно не грызть себя – по привычке – за любые оплошности, а вместо этого нахваливать своё отражение за малейшие успехи. Последнее было сложнее всего. Морган виртуозно обращался с кнутом, но до сих пор не научился угощать себя пряниками.

Сейчас была примерно середина «упаднического» периода. Ещё несколько суток Гарвусу предстояло помариноваться в сомнениях.

Так что пока, крутя в изящных пальцах писчее перо, доктор бессмысленно пялился на свои бумаги и скучал по Берти.

Три недели в компании сыщика, приехавшего погостить, были на удивление бодрящими. Теперь дом опустел – не слышалось ни возмущённых воплей из подвала («Какого праха

вода в душе опять ледяная, боги-хранители?!»), ни хохота сквозь набитую в рот еду из-за невозможности удержаться от шуток даже во время обеда (жуткое зрелище), ни пространственных философских монологов на веранде (по вечерам Берти выползал туда вместе с Кори и упоённо разглагольствовал, пока Морган писал – и, кстати, тогда писалось неплохо).

Иногда, глядя на Берти, Гарвус вспоминал своё детство и тот факт, что он был единственным ребёнком в семье. Наверняка, если бы у него был брат, он был бы похож на Голден-Халлу. И это определённо был бы младший брат. Непутёвый, беззаботно уверенный, что ему и море по колено, но давно отправившийся бы на тот свет, если бы не всегда вовремя спасающий его Морган.

Эх.

Вообще Гарвус искренне любил одиночество, но контраст между недавним дурдомом и нынешней тишиной был настолько резким, что становилось неудобно. Нужно было как-то плавнее всё это организовать. Начать выгонять Голден-Халлу из дома на два часа, потом на пять, девять, двенадцать, а затем уже спровадить окончательно.

Впрочем... Можно попробовать избавиться от дискомфорта с помощью дозы других шумных людей.

Берти рекомендовал ему пообщаться с булочницей Патти? Что ж, Берти бы удивился, узнай он, что Морган решил прислушаться к совету.

Гарвус собрал бумаги в охапку и спрятал в нижний ящик

стола. Потом покрутил головой, разминая шею, надел тонкий золотой ободок, который казался ему достойным серьезного, но стильного учёного аксессуаром. Прошёл из кабинета в свою комнату и под одобрительное карканье ворона вытянул из шкафа тонкую шуфу благородного винного оттенка.

– Ну, – пожевал губами доктор, – пойдём кадрить булочницу.

– Кар! – поддержал Кори.

Правда, чу-у-у-точку неуверенно.

«Кадрить» и «Морган»? Попахивает провалом.

* * *

Деревушка под названием Соловьиная Песня находилась в часе ходьбы от шале Гарвуса, за погодным разломом. В ней всегда царила весна – цвели персиковые деревья и сладкий миндаль, распускались между камнями алые маки.

Единственная в деревне пекарня встретила Моргана запахами горячего шоколада и яблочного пирога. На витрине была разложена выпечка – румяные круассаны, крендели с солью, улитки с изюмом и корицей... Вдоль большого окна шла барная стойка, за которой сидели с миниатюрными глиняными чашечками двое пожилых селян.

Они умудрялись растягивать содержимое этих чашечек на несколько часов. Суть была не в получении ударной дозы кофеина, а в неспешной и тягучей беседе, которая, как пато-

кой, заливала круг привычных новостей. У господина Чуври ожеребилась лошадь, двойняшки из дома у озера вылили туда двадцать бутылок креплёного вина, которыми торгует их отец, и теперь все переживают из-за слегка опьяневших уток, а в колодце поселился боггарт крайне мерзкого вида и нрава.

Морган, краем уха слушая эти беседы, сделал заказ.

Булочница Патти Вареши – хорошенькая и румяная, в синем платье и с копной пшеничных кудрей, улыбалась ему уже с того момента, как звякнул входной колокольчик, и Гарвус переступил порог.

– Господин доктор! – неловко, но воодушевлённо поприветствовала его она. – Вы спустились к нам с вашей снежной горы.

– Мм, да. Мне облепиховый чай и гречишный блин, пожалуйста, – сказал Морган.

– Как обычно, с собой?

Губы у Моргана дёрнулись.

– Здесь, – с некоторым усилием проронил он.

Снял с плеча сумку и повесил её на крючок в виде ветви абрикосового дерева. Поправил ободок в волосах. Неприкаянно помялся у стойки.

– Я принесу ваш заказ, садитесь, – душевно улыбнулась Патти.

Она действительно была милой. Очень милой. Как штрудель с шариком ванильного мороженого. Но Морган не любил сахар, в этом-то вся проблема.

– Вы сегодня прекрасно выглядите, – сказал он, когда булочница поставила посуду на его столик – единственный в пекарне, не считая стойки.

– О, спасибо! А вы выглядите прекрасно всегда.

Перещеголяла. Вот д'гarr.

– Как продвигаются ваши исследования? – Госпожа Вареша села напротив. Прямо над головой у неё висела светленькая картина, изображающая семью на пикнике. Лица у них были не слишком-то интеллигентные. Альтернативно одарённая семейка, не иначе.

Только сейчас Морган заметил, что Патти принесла две чашки.

– Я уже определил некоторые опорные точки, – обтекаемо сказал он, но всё же почувствовал некий прилив вдохновения.

Работа – это хорошо, это Моргану всегда интересно.

– А в какой сфере вы учёный? – Патти попробовала налить ему чай, но Морган мягко отобрал у неё чайник.

Ухаживать он всё-таки умеет, и виртуозно. Просто обычно не хочет.

– Я занимаюсь наукой, которая называется Тайны Магического Мира и заключается в подтверждении или опровержении легенд, – объяснил Морган.

– О, так вы поэтому у нас поселились? – Патти расширила глаза. – Кажется, нигде в мире нет стольких тайн, сколько в наших горах!

«Патриотка, – подумал Морган. – Глубоко заблуждающаяся».

А вслух сказал:

– Я переехал сюда, потому что люблю зиму, горы и покой и решил на несколько лет взять паузу от преподавательской деятельности. Но да, многие местные загадки безусловно привлекательны. Они не связаны с темой моей диссертации, однако однажды я с удовольствием ими займусь.

– Какими, например?

– Магический дисбаланс. Альвы. Погодные разломы. Безусловно, Покинутый Асулен: и населяющие его одинокие тени, и площадки для телепортов, рассыпанные по округе... Самое перспективное – это как раз телепорты. Я бы хотел попробовать разбудить их.

Мимо окна пекарни со злодейским хохотом промчалась стайка детей, играющих в мяч.

– Думаете, и для нас с вами телепортация возможна? – Патти расширила глаза. – Мне казалось, это знание навсегда утеряно в веках.

– Возможно всё – при определённых обстоятельствах. То, что мы с вами чего-то не умеем сегодня, означает лишь, что впереди у нас интересный путь. – Морган пожал плечами. – И вообще: если знание не удаётся найти, его просто нужно создать заново. Чем мы хуже древних народов?

– Мне нравится ваш дерзкий подход, доктор Морган! Я слышала, что великанья площадка для телепортов есть непо-

далеку от вашего дома, часах в четырёх отсюда.

– Да, я планирую посетить её в награду себе за то, что допишу раздел с библиографией и методику исследования. Не раньше.

– Вы очень суровы.

– Нет, я дисциплинирован, – возразил Гарвус и тотчас поморщился, вспомнив, как бездарно провёл сегодняшнее утро.

Внимание: в булочной обнаружен лжец.

Они болтали ещё какое-то время – довольно значительное с учётом того, что вопящие дети успели трижды пробежать мимо пекарни, расквасить друг другу носы, разбить чьё-то окно и даже огрести за это – их визги были слышны на всю округу. А вот у селян за стойкой напитки не иссякли даже наполовину.

Нет, их Моргану и госпоже Вареши точно не переплюнуть.

Потом Патти рассказала о своей жизни. О рецептах, унаследованных от бабушки, и о тех, которые она придумала сама. О том, как мечтает однажды попутешествовать по миру. О любимой кошке и козочке, живущей в сарае за домом. О братьях, идеально играющих на флейте.

Наконец Морган сказал, что ему пора, а Патти в ответ ойкнула, убежала за стойку и вернулась с чуть замасленным бумажным пакетом.

– Там трдельник для мастера Берти, – улыбнулась она. –

Он каждый день покупал их, а тут что-то со среды не заглядывал. С ним всё хорошо?

– Берти уехал, – сказал Морган.

– Как жаль! – Патти искренне расстроилась. – Ну, ещё вернётся, наверное. Как говорит моя бабуля, Седые горы просто так никого не отпускают.

«Кошмар, – Морган содрогнулся от её жизнерадостного тона. – Они ведь и впрямь не отпускают, но не в смысле того, что всем хочется сюда вернуться, а в самом *плохом* смысле. Какие же селяне оптимисты...»

Гарвус расплатился и уже собирался уйти, когда заметил, что Патти явно очень. Хочет. Что-то. Сказать. Её буквально корёжило от каких-то слов, так и пляшущих на языке, но изо всех сил сдерживаемых. Морган мог бы проигнорировать это – *хочешь, но робеешь? Что ж, это твои проблемы*, – но ему стало любопытно.

– Что-то не так? – спросил он.

– Я волнуюсь! – выпалила она. – Пару дней назад у Горелой скалы появилось то злобное привидение, и вы пошли изгонять его, хотя все знают, что это работа шаманки Кайлы и она собиралась туда в тот же день. Почему вы так сделали?

Морган собирался дать ей честный ответ.

Потому что Горелая скала находится близко от его шале, и тёмная аура духа ощущалась от самого порога. Ему не хотелось ждать, а ещё Кайла – необразованная легкомысленная тётка, слишком любящая крепкие наливки, и вполне ве-

роятно, что она не справилась бы с той сущностью. Проще сделать всё самому.

Но Патти продолжила почти без паузы:

– Мне кажется, неправильно, что вы не доверяете людям. Вам бы научиться этому, господин доктор...

Морган мысленно закатил глаза. «А когда я, простите, спрашивал вашего мнения, Патти? – подумал он. – Что поистине неправильно, так это лезть с советами к тому, кто их не просил. Мы говорили немногим больше получаса, а вы уже пытаетесь меня переделать в угоду своим представлениям о жизни. Это что – бестактность или просто глупость?»

Придя к здоровой мысли о том, что в мире булочницы просто царят другие нормы, Морган не стал уделять слишком много внимания этому эпизоду.

Однако теперь он почувствовал, что не просто насытился беседой, а уже конкретно так от неё устал. Вначале ему нравилось, но теперь всё бесит, хочется домой. А значит, его план удался.

Удивительно, конечно, что столь многих общение заряжает энергией, а не опустошает. А одиночество – наоборот, будто подтачивает изнутри.

В этом мире была всего лишь пара человек – Берти и бывший наставник Моргана в Шолохе (где он прожил много лет), – которых он мог выносить на постоянной основе, не чувствуя при этом, что из него по капле утекают силы. Пожалуй, было бы неплохо, если бы таких людей стало чуть

больше. Скажем, трое.

Но в целом – ему определённо понравился его темперамент.

А что касается доверия... Оно переоценено. Морган со всем и всегда справится сам.

– Спасибо за трдельник и приятную беседу, Патти, – сказал он госпоже Вареши и откланялся.

9. Лианы, что сковали мои запястья

«Однажды я обязательно съезжу в Покинутый Асулен! А если вдруг забуду об этой мечте – пусть судьба меня туда приведёт!»

«Чур, я с тобой! Если мне не будет лень. Если будет – ты как-нибудь сама, а я тебя тут подожду!»

Из школьной переписки Тинави и Кадии

Тинави из Дома Страждущих

Мне снова приснился кошмар, но куда более подробный и чёткий, чем тогда в кэбе.

На этот раз я оказалась в роскошных джунглях, пронизанных вечерним светом. Я стояла на извилистой тропинке между тропическими деревьями, и мох, покрывающий землю, мягко обхватывал мои ступни. Было жарко и влажно, сладко пахло орхидеями, и казалось – самое время наслаждаться сновиденческим путешествием, но вместо этого я обливалась холодным потом и цепенела от ужаса.

«Он ищет меня, – набатом стучало в ушах. – Он уже близко».

При этом я понятия не имела, кто такой «Он», и лишь знала, что когда он появится, то обязательно убьёт меня. По-настоящему, окончательно сотрёт из бытия, и тогда всё, что останется от Тинави из Дома Страждущих – это полузабытые воспоминания моих друзей, похожие на отражения в зелёном бутылочном стекле.

Беспомощность, непонимание и ужас орали на три голоса, и я будто раздвоилась: одна часть меня сходила с ума от страха, а вторая – удивлённо смотрела на первую со стороны, мол, ты серьёзно?

Да мы с тобой давно уже поумневшие, набравшиеся опыта и до праха опасные, госпожа Тинави из Дома Страждущих, не нам бояться какого-то сна!

Но первая часть выступала громче. По её воле моё сердце отчаянно колотилось. Страх смерти был так силён, что кружилась голова, мне хотелось закрыть глаза и свернуться в скулящий комочек.

– Ну уж нет, – сквозь зубы процедила я, делая по тропинке шаг вперёд. – Я не собираюсь терять лицо перед собственным подсознанием!

Решено: надо просто сбежать отсюда к праховой бабушке. Никакие кошмары не в силах долго держать сновидца в одном и том же сюжете. Сейчас домчусь вот до того деревянного указателя, увитого лианами, поверну вместе с петляющей тропинкой и – прощай, неудачная дрёма, надеюсь, мы больше не встретимся, – однако...

Не тут-то было.

Едва я приблизилась, как лианы ожили и стремительно набросились на меня.

– Прах!.. – ахнула я, безуспешно пытаюсь увернуться.

Не прошло и мгновения, как зелёные путы сковали мои щиколотки и запястья. Едва сумев удержать равновесие, я задёргалась, пытаюсь освободиться и стараясь зубами дотянуться до ближайшей лозы.

Подул горячий ветер, и вот из-за поворота, к которому я так стремилась, на тропинку упала огромная чёрная тень.

А вслед за ней появилось... чудовище. Огромная, неопи-суемая тварь с головой быка.

Мой страх, утихший было из-за бурной борьбы с лианами, вновь вернулся в полном объёме. Мне показалось, что моё сердце сейчас разорвётся, раскрывшись ещё одним красным цветком этих джунглей.

Монстр выглядел жутко, но дело было не столько во внешности, нет, – просто от твари исходила такая тёмная, древняя и *чуждая* энергия, что я почувствовала, как задыхаюсь от одного его присутствия. В обращённых ко мне зрачках чудовища не отражалось ничего. Только пустота и гибель всему живому.

– Что за... – успела пробормотать я, прежде чем случилось две вещи одновременно.

Во-первых, монстр шагнул вперёд и, вскинув руку с острыми когтями, очевидно собрался перерезать мне горло.

А во-вторых, где-то далеко-далеко раздался шорох и звук глухого падения, из-за которого я вздрогнула и проснулась.

* * *

– Боги-хранители! Ну и приснится же такое!.. – Я резко села в кровати.

Выделенная мне уютная комнатка на втором этаже трактира встретила этот вопль вежливой тишиной.

Оказалось, меня разбудил упавший с крыши снег. За окном давно рассвело, по карнизу прыгали синички, а с первого этажа доносился запах елового чая, заваренного то ли Силграсом, то ли призрачной Гедвигой.

Какое-то время я просто пялилась в никуда, стараясь прийти в себя после кошмара. «Добро пожаловать в Долину Колокольчиков! Отдыха и покоя!» – гласила вышитая салфетка на прикроватной тумбочке.

М-да. Главное, чтобы не вечного.

Ещё раз сказав «бр-р-р» и выпрыгнув из постели, я пошла в ванную, где занялась агрессивной чисткой зубов и выбивающей всякую дурь из головы энергичной зарядкой. После таких суровых мер воспоминания о плохом сне были вынуждены позорно ретироваться.

А когда настенные часы пробили девять утра, раздался стук в дверь, и вслед за ним – весёлый голос Голден-Халлы.
– Хей, доброе утро! Тинави, ты спишь?

– Доброе утро! Я уже встала, заходи! – отозвалась я, сосредоточенно намазывая нос прохладной зеленоватой мазью. Он успел стореть за вчерашний день – поразительно солнечный, – большую часть которого я провела на улице, изучая призрачную деревню.

Долина Колокольчиков мне понравилась. Очень. Теперь я всё равно порывалась бы её спасти, даже если бы сам Силграс вдруг передумал и загадочно исчез куда-нибудь ещё на триста лет.

– Готова для самоубийственного путешествия в Асулен? – Жизнерадостная улыбка заглянувшего в комнату Берти, казалось, выходила за пределы его лица. Я тотчас разулыбалась в ответ: удержаться от этого было просто невозможно, сумасшедшая энергетика бодрого, выпавшегося Голден-Халлы окутывала меня, как искрящееся облачко магии, заражая желанием жить.

Боги. А можно он будет заходить ко мне каждое утро?

– Самоубийственного? Об этом речи не было, позволь. – Я строго покачала указательным пальцем. – А вот для полного погружения в тайны Седых гор – да, вполне готова! Трепещу, предвкушаю и подозреваю, что с тем разгоном на загадки, что мы взяли, стоит рассчитывать на весёленькие выходные.

– Прекрасно! Мне определённо нравится твой настрой.

Берти вытянутой рукой схватился за дверной косяк, шутиливо отдал мне честь и, стоя на одной ноге, крутанулся, «улетев» из комнаты. Получилась эдакая пародия на танцовщиц

из переулка Тридцати Грехов.

– Мы с Силграсом ждём тебя внизу! – послышался его крик уже из коридора, а дальше – быстрый топот вниз по лестнице.

«Чок-чок-чок» – стучали подошвы мягких полусапог Голден-Халлы.

Вчера мы с ним, проснувшись и встретившись на первом этаже трактира, первым делом отправились искать в деревне подтверждения рассказу Авалати. Всё соответствовало его исповеди. Изба-У-Колодца – этот дом, разделённый на две половины, с кучей портретов внутри, в том числе Тоффа и Авалати. Площадка для стрельбы из лука – на стене сарая возле неё прибита дощечка с расписанием соревнований. Лесные ворота с отметинами от когтей волкодлаков.

Я так увлеклась поисками примет прошлого, что не успокоилась, пока мы не нашли ту самую девушку – Эльзу... Её «зациклило» на том, что она вышивала, мечтательно смотрела в окно и, если спросить, как дела, говорила: «Ну да, он мне нравится, и что с того?»

– Она ведь о Силграсе, да? – расстроено пробормотала я. – Не о Тоффе.

Берти только вздохнул.

Сердце моё поминутно сжималось во время всей экскурсии и после, когда мы уже втроем с Авалати обсуждали наш план. Однако к вечеру тяжёлое настроение растаяло, будто сахар, опущенный в горячий чай, и осталось лишь сногшиба-

бательное предчувствие: нас ждут приключения.

Ура!

* * *

– Их называют метельные кони. – Мастер Авалати расчёсывал гриву высокого и тонкого, будто стеклянного скакуна.

Второй такой же стоял рядом, флегматично пожирая снег из сугроба. Белые бока обоих покрывали витиеватые серебристые узоры.

– При необходимости они могут выглядеть как обычные лошади. Но на это их нужно долго уговаривать: для метельных коней дело чести показывать себя миру такими, какие они есть.

– То есть узорчатыми, – рассмеялась я, поглаживая лошадиный бок.

Конь возмущённо игогокнул: узорчатыми! Ну ты и сказала!

– Мы доскачем до предместий Асулена, а дальше вам придётся идти одним. – Силграс как ни в чём не бывало заодно причесал и себя той же гребёнкой. – Ведь метельные кони – такие же выходцы из пика Осколрог, как и я, по сути – данные мне горой помощники. Я могу вызывать их, когда мне предстоит долгая дорога. Но не бесконечно.

– А ты как-то использовал их в годы жизни в Долине Колокольчиков? – вскинул бровь Голден-Халла, забираясь на

коня и на пробу натягивая поводья.

Теперь метельный скакун обдал презрением и его.

– Нет. В год нашего пробуждения они были слишком рады для того, чтобы в принципе где-либо останавливаться. Когда я очнулся в пещере, они, проснувшись неподалёку, лишь коротко поржали в качестве приветствия и сбежали. В следующий раз я увидел их только прошлым летом. Даже не вспомнил сначала, что это мои. – Силграс покачал головой и, каким-то головокружительным образом подпрыгнув, оказался в седле.

После этого они с Берти одновременно протянули мне руки. Кажется, каждый был уверен, что именно его коня надо наградить лишними пятьюдесятью килограммами веса. На мгновение я почувствовала себя главной героиней романа, в которую все, как по щелчку, влюбляются, но потом вернула мозг на место и прагматично подсела к Силграсу.

– Предательница! – ахнул Берти, и я показала ему язык.

Мы проскакали сквозь дереvушку, по дороге приветствуя знакомых призраков: трёх парней из проулка и сторожа. Каждый раз Авалати называл их по именам.

Боги, парень.

И всё же: как тебе в голову пришло их *зачаровать*?

Впрочем, все мы способны на чудовищные ошибки. Каждую можно понять, но жаль, что не каждую можно исправить.

На полной скорости мы неслись к выезду из деревни. Пря-

мо в забор с запертыми воротами. Глядя на его стремительное приближение, я уже собиралась уточнить у Силграса, нормальная ли это ситуация, не забыл ли он притормозить и в курсе ли вообще, что материальные тела, сталкиваясь с другими материальными телами, издают неприятный «бум», но...

В последний момент метельный конь коротко заржал, от его копыт к воротам прорисовалась синеватая линия, распустившаяся на них снежными узорами – и тогда резные створки с грохотом распахнулись, открыв нам вид на горное плато впереди.

Оно выглядело потрясающе. Снежная гладь простиралась вплоть до гряды скал вдалеке, тут и там виднелись цепочки лисьих следов, ведущих в сосновый бор, всё сахарно блестяло и переливалось под утренними лучами солнца.

У меня захватило дух от красоты природы.

– Силграс! – Я побарабанила его пальцами по плечу: – А можно я... Ну... Покричу?

Альв обернулся на меня с некоторым непониманием.

– Покричишь? – переспросил он.

– Полагаю, Тинави имеет в виду – от восторга, – усмехнулся Берти. – И волнуется, как бы чего не вышло. И не скатилось бы что с дальних гор. Что-нибудь вроде лавины.

– Именно так, – авторитетно подтвердила я, чувствуя, как меня распирает от переизбытка эмоций.

Авалати вскинул брови. Как он умудрялся во время все-

го диалога скакать, не глядя на дорогу, казалось ещё одной тайной мироздания.

– Можно, – по некотором размышлении сказал он.

И я тотчас заорала:

– Юху-у-у-у!

– Юху-у-у-у!!! – с готовностью поддержал Голден-Халла.

Силграс какое-то время подозрительно молчал, а потом вдруг тоже присоединился:

– Йиии-ха-а-а-а!

– О, у тебя свой репертуар! – похвалила я.

– Йиха-а-а! – повторил Авалати.

– Юху-у-у!

– Яува-а-ва-авй!

...Бедные, бедные горы.

* * *

Через несколько часов пришло время расставаться.

На горизонте появились колокольни Покинутого Асулена: витые белоснежные башни, острыми пиками пронзающие небо. Над ними тёмными стаями носились птицы.

Силграс развернул карту и вновь что-то сосредоточенно объяснял Голден-Халле. А я всё смотрела на колокольни вдаль, чувствуя, как моё сердце в нетерпении ускоряет ход, а взгляд становится цепким и выжидающим.

Предвкушение.

Для меня нет ничего более привлекательного, чем загадки. Чем возможность открывать другие пласты мироздания, приходиться куда-то, где я не была прежде, с головой погружаться в звенящее неведомое...

Вглядываясь в профиль призрачного города, я чувствовала, как во мне, сменяя обаятельную и дурашливую Ловчую по имени Тинави, уже подбирается, будто перед прыжком, та бессмертная и наблюдательная сущность, которая всегда ищет что-то большее. Что-то, скрытое за горизонтом, чему имени нет, но что бесконечно тянет, тянет куда-то, даря ни с чем не сравнимое ощущение вечности...

Изучать неведомое. Созидать невозможное. Разве может быть что-то прекраснее?

– Главное, следите за временем, – закончив инструктаж, напомнил Силграс. – Если поймёте, что не успеваете найти сундук так, чтобы к закату закончить миссию и покинуть город – просто уходите оттуда. Повторим всё завтра.

Он переживал не из-за гуманного рабочего графика, нет. Просто в проклятом Асулене нельзя оставаться после заката – если ты, конечно, не самоубийца.

Когда-то, много тысяч лет назад, Покинутый Асулен назывался Царским Асуленом. Этот город был жемчужиной Седых гор – его населяли великаны, посвятившие себя изучению магии и вселенной. Говорят, даже драконы из Скалистых гор иногда прилетали в Асулен, восхищённые образованностью его жителей, а юные боги-хранители нет-нет да

поглядывали в его сторону с завистью и восхищением. Асулен был старше богов. И погиб ещё до их ухода из Лайонассы.

Это случилось в один день. Великаны просто исчезли. Незаправленные постели, недописанные письма, бокалы с налитым нектаром – всё выглядело оставленным лишь на минутку, но жители города пропали навсегда, будто стёртые кем-то из книги бытия.

Любопытный и диковатый народ скальников, издавна живший неподалёку от Асулена, переместился со своими юртами под стены таинственного города и уже планировал захватнически поселиться внутри... Но кое-что отпугнуло их.

А именно: иногда после заката в Асулене начинали звонить колокола. Громогласная песнь разносилась над окрестными горами и звала любопытных. А когда колокола умолкали, город за считанные мгновения наполняли хищные тени, пожирающие всех, кто попадался им на пути, и затем исчезающие так же бесследно.

Это происходит до сих пор. Никто не знает, когда в следующий раз зазвонят колокола Ста Покинутых Башен – поэтому оставаться в городе после захода солнца определённо не стоит.

Мы с Берти пообещали Силграсу, что покажем себя расторопными курьерами, и уже готовы были уйти, как вдруг у меня за спиной раздался какой-то писк.

Обернувшись, я увидела того снежного духа снуи, что позавчера привёл нас в Долину Колокольчиков. Он взволнованно трепыхал крылышками, всплёскивал руками и аж приплясывал в воздухе от нетерпения.

– Снуи отправится с вами, – пояснил Авалати. – Именно он нашёл сундук и скелет Хеголы и рассказал мне о них, так что легко покажет путь туда-обратно.

– А на кой прах мы тогда карту сейчас полчаса изучали? – поразился Берти.

– Для общего развития, – скривился Силграс. – Я буду ждать вас здесь. Удачи.

Ведомые феей, мы отправились в путь. Я оглянулась и на прощанье помахала Силграсу, который так и смотрел нам вслед, уже что-то жуя. Затем обратилась к Берти:

– В Шолохе говорят, что для любопытного человека есть три беды: слухи о нём самом, древние ритуалы призыва и мёртвые города вроде Мудры и Асулена. Это я к тому, что, как бы нам ни было интересно, сегодня стоит вести себя осторожно.

Берти лукаво улыбнулся:

– Мне кажется или ты убеждаешь скорее себя, чем меня?.. А вообще: *ещё* осторожнее, ты хотела сказать.

– Ага, до уровня двух параноиков. Ты умеешь быть параноиком, Голден-Халла?

– Я всё умею. В своих фантазиях. А это уже половина дела, согласись.

Мы шли, Асулен приближался, снуи, раздувшись от гордости, летел впереди.

* * *

– Прахов прах! А вот это неожиданно! – ахнула я пару часов спустя. – Где карта?! Берти, дай мне карту! Там не было отмечено этой гадости, зуб даю!

– Ещё недавно ты облизывалась на одно из самых опасных мест мира, а теперь переживаешь из-за какой-то пропасти? Что это – двойные стандарты? Или вскоре окажется, что на деле ты та ещё трусишка? – Голден-Халла насмешливо вскинул бровь.

– Это – логика. С чудовищами и тайнами я умею разбираться, а вот свободному падению мне нечего противопоставить!

Да, на карте действительно отсутствовало ущелье, внезапно возникшее перед нами. Мой зуб мог оставаться при мне, но легче от этого не становилось. Потому что, отмеченное или нет, а вот оно – прямо здесь, и его сейчас придётся пересекать. Невыносимо глубокое, ущелье казалось смертельной раной на белоснежных снегах вокруг.

«Волчье ущелье», – гласил кривоватый деревянный указатель возле самого обрыва.

Через пропасть был перекинут хлипкий висячий мостик. Он шёл под наклоном и выглядел настолько непрочно, на-

сколько это вообще было возможно. Да ещё и порывистый ледяной ветер немилосердно раскачивал его, делая похожим на сбрендивший маятник.

Вот пепел. Обычно я не боюсь высоты, мне только дай побегать по карнизам ведомства или залезть на секвойю в азарте погони за преступником, но вид на это широченное ущелье заставлял мою голову идти кругом, а колени – подгибаться.

Тряхнув волосами и пошлёпав себя по щекам для бодрости, я попробовала шагнуть на первую из болтающихся деревянных дощечек, но...

Ноги просто не двигались, и всё тут.

Зато руки – ещё как. А именно: взяли и самовольно схватились за столб-указатель. Кляня себя на чём свет стоит, я напряжённо уставилась на свои непослушные ступни.

Ну давайте же.

Шагаем, шагаем!

– Куда ты смотришь? – заинтересовался Голден-Халла. Судя по тому, как низко он наклонился над ущельем, его ничего не смущало в сложившейся ситуации.

Не успела я ответить, как Берти обрадовался:

– О! Здесь водятся сольвегги! – и указал на уступ в скале под нами.

Там было свито гигантских размером птичье гнездо... Пустое.

– Знаешь, кто это такие? – подмигнул Голден-Халла.

– Нет, – соврала я, пытаюсь выиграть время, чтобы сладить со своими взбунтовавшимися конечностями. – Расскажи мне, пожалуйста.

Берти, кажется, из деликатности решил не замечать моих внезапных проблем.

– Волшебные сольвегги, – сказал он, по-профессорски закладывая руки за спину и начиная расхаживать вдоль обрыва. Шаг за шагом, у самой кромки. «Вот видишь, у него всё нормально! И у тебя будет!» – пыталась я договориться с собственным организмом, но прах там был. – Птицы с сияющим оранжевым оперением. Огромные, будто бастарды драконов. Обладают добродушным нравом, и от них исходит яркий свет, как от огня.

– Они певчие? – сквозь зубы процедила я.

– О да! – с жаром закивал Берти. – Точнее, они не столько поют, сколько певуче разговаривают. У них есть свой язык, музыкальный. Очень красивый, кстати говоря.

– Круто.

Руки, мать вашу, не отцепитесь сейчас от столба – оторву!

Ноги! Пошли, пошли!

Ходу!

...Меж тем я не только знала, кто такие сольвегги, но и однажды участвовала в провалившейся миссии по их поимке.

Виновником того действия был Дахху. Ещё на первом году нашего обучения, когда мы были совсем уж жизнерадостны-

ми молодыми олухами, он раскопал у магистра Орлина самоучитель по языку этих славных пташек и немедленно возжелал призвать одну из них откуда-нибудь из глубин леса.

Дахху залез на крышу коттеджа, сел на корточки, и, пародируя сольвеггу, стал старательно по книжечке выводить их брачные рулады.

Сольвегги не прилетели.

Зато прилетела бутылка от проезжавшего мимо мальчишки-молочника, который решил, что это какая-то чащобная тварюга забралась на respectable дом и орёт дурным голосом, собираясь сожрать его обитателей.

Разбившаяся рядом бутылка не умерила пыл Дахху, лишь заставила его снять капюшон плаща-летяги, дабы издали было видно, какой он безобидный и симпатичный лапушка. А что в странной позе и чуть ли не на флюгере – ну, у всех свои увлечения...

Но после второго подхода к песне случилось нечто более страшное.

А именно – с соседнего дерева с сердечными приступами попадали дрозды. Весь оставшийся день мы откачивали их на пару с Кадией. И Дахху откачивали – заодно, ибо он пребывал в глубочайшем шоке по поводу «безвременно погубленных» им птиц.

Но это уже другая история.

– Расскажи ещё что-нибудь о сольвеггах, Берти, – похоронно попросила я, потому что сыщик замолчал, ностальги-

ческая пауза закончилась, а я так и не сладила со своим организмом.

Но Голден-Халла покачал головой:

– Расскажу по пути, хватит терять время.

А потом непререкаемо и всё с такой же лёгкой улыбкой он попробовал отцепить мои руки от столба. Я, улыбаясь не менее мило, сопротивлялась.

– Хорошая погода, да? – осклабился Берти, разжимая мне мизинец.

– Прекрасная! – воодушевлённо отозвалась я, сгибая его обратно, едва сыщик перешёл к безымянному пальцу.

– Чудный снег в горах! – заливался рыжий.

– Чудесный! – мурлыкала я.

В общем, через пять минут напряжённой лицемерной борьбы мы сломали столб.

– М-да, – Берти озадаченно цокнул языком. – Ну, будет тебе посох.

Я же невероятно обрадовалась тому, что мои руки снова в моём распоряжении. И, боясь, как бы они ещё чего не учудили, побыстрее обняла себя за плечи.

– Нет уж, давай прикопаем беднягу обратно! – решила я. – В смысле, ты прикопай. Пожалуйста. Если я опять до него дотронусь, мы меня точно не оторвём...

Когда столб вернулся на место (став при этом ещё кривее), я снова бросилась штурмовать мост, на сей раз успешно. Так мы и пересекли ущелье: лихо раскачивающийся мостик, пе-

рекрывающий голоса гул ветра в ушах, и Берти, всю дорогу страхующий меня – одной рукой я держалась за верёвку, другой – за него, для надёжности обхватившего меня сзади. От Голден-Халлы едва заметно пахло приятным древесным парфюмом, и меня, уроженку Лесного королевства, это дополнительно успокаивало.

– Так на меня девушки ещё не вешались, – рассмеялся Берти, когда мы снова ступили на твёрдую землю.

Я лишь с благодарностью выдохнула:

– Ты лучший!

– Ты похвально быстро это поняла.

10. Сто колоколен Покинутого Асулена

Великаны Покинутого Асулена – народность, исчезнувшая с лица земли ещё в прошлой эре из-за случившегося в Седых горах катаклизма. Судя по историческим источникам, рост великанов колебался в пределах 2.2–2.8 метра. Они были худые и с ярко выраженными когтями на руках и ногах. С детства ходили с посохами, которые помогали им поддерживать тонкокостные тела в вертикальном положении.

Энциклопедия «Доронах» под авторством Дахху из Дома Смеющихся

Вскоре после Волчьего ущелья нас ждал первый в моей жизни погодный разлом. Он выглядел как полоса тумана, в которой блуждали магические огоньки. Чарующий, поглощающий звуки и неколебимый, влево и вправо разлом тянулся до самого горизонта, а навверх поднимался примерно на высоту двухэтажного дома.

Над ним, как над забором, возвышались древние башни Асулена. Казалось, они неодобрительно следят за нами, двумя чужаками, нагло топчущимися у них на пороге. «Ну и что за хмыри тут опять объявились?..», «Ходят и ходят...»

Опытный Берти рассказывал мне, что ждёт нас внутри ту-

мана, а я сосредоточенно внимала, одновременно с тем любясь танцами огоньков и прислушиваясь к неясному, крайне мрачному и язвительному шёпоту, доносящемуся оттуда.

– Кажется, будто осипший озлобленный призрак наводит порчу на весь мир, да? – Берти хмыкнул.

– Для меня это похоже на комментарии, которыми замглавы департамента Ловчих сопровождает чтение моих отчётов... – сглотнула я, вспомнив Селию.

– Ужас какой, – восхитился Берти. – Но на самом деле это просто иллюзия, там никого нет. Ты как, всё поняла? Готова?

– Готова!

И, набрав воздуха в лёгкие и задержав дыхание, я вслед за Берти нырнула в туман. Шаг вперёд – огоньки ускорились и засуетились, оставляя в воздухе длинные светящиеся следы, налепляясь на наши тела. Ещё шаг – снег под ногами исчез, сменившись жухлой травой. Третий шаг... Я зажмурилась, когда меня чуть не сбил с ног яростный порыв ветра. И, наконец, четвёртый шаг – прочь из разлома.

Ш-ш-ш-ш-шух.

По ушам будто ладонями хлопнули, а голова стала тяжёлой, как чугун. Ох! Если ты плохо реагируешь на смену погоды и давления – в таком разломе тебе крышка. Но я была относительно крепким орешком, поэтому через несколько секунд дискомфорт растворился, уступив место чистому восторгу.

– Боги-хранители! – Я так и подпрыгнула. – Так вот ты

какой – последний оплот Древней эпохи, темница хищных теней и погибель могущественных великанов!.. Подумать только, я могла уехать из Норшвайна, не увидев этой красоты!..

Прямо от туманной стены начиналась аллея изящных краснолистных клёнов. Она вела на высокий холм и там заканчивалась колоссальными распахнутыми воротами. Их охраняли статуи в виде волков, вырезанные древним скульптором столь искусно, что, казалось, они сейчас припадут к земле и оскалятся. Высоченные белые стены Асулена были полностью покрыты резными изображениями, рассказывающими историю строительства города, и по сравнению со всем этим масштабом я почувствовала себя незначительной пылинкой на игральной доске веков.

Мы с Берти сменили зимние шубы на непромокаемые плащи, и, подхватив сумки, пошли вверх. Вечная осень Асулена быстро окутала нас запахами каменной крошки, яблок и старой кожи, а прохладный ветер, перемешанный с сухими листьями, задумчиво изучал наши лица, брал за руки – «Кто вы? Куда вы?»

Из ворот открывался вид на широченные улицы и громады покинутых зданий. Знаменитые колокольни тянулись в серое небо, многие из них были увиты багряными плющами. Припылённое облаками солнце окрашивало всё вокруг в тусклые серовато-золотистые тона, и такого же цвета были призраки животных и птиц, иногда безмолвно появляющи-

еся в разрушенных переулках и провожающие нас пустыми взглядами.

Покой и смерть были царём и царицей Асулена.

– Ты когда-нибудь бывала в подобных местах? – понизив голос – говорить громко здесь казалось кощунством, – спросил меня Берти.

– Да. В Мудре. А ты?

– На острове Этерны.

Мы удивлённо переглянулись. Надо же. Немногие могут похвастаться такими путешествиями, а нас свёл слепой случай, да ещё и где!.. Впрочем, всё логично. Мы всегда притягиваем тех, кто находится с нами на одной волне. Это один из законов жизни: верь ты в него или нет.

Наш проводник-снуй, очень беленький на фоне тусклого города, опустилсЯ отдохнуть на круглое каменное возвышение, которое густо испещряли тексты на позабытом языке. Интересно, что это? Что-то вроде сцены или же площадка для магических практик?

Я хотела пригласить явно уставшего снуй сесть на моё плечо, но при нашем приближении дух вспорхнул и упрямо полетел вперёд, старательно изображая, что ему совсем несложно преодолевать такие огромные расстояния. Надо же, какой гордый! Весь в Силграса, что ли?

Поскольку каждая минута была дорога, я не стала подходить к заинтересовавшей меня платформе.

– А расскажи мне о своей поездке в Мудру, пожалуйста, –

попросил между тем Берти.

И эта, казалось бы, невинная просьба превратила следующие полчаса моей жизни в экзамен по недомолвкам. Мой мозг буквально кипел из-за непростой задачи: рассказать Берти побольше (потому что мне хотелось этого), но притом не выдать ему ни одной из ужасно опасных тайн, связанных с тем путешествием (потому что они даже не мои). Одновременно с этим я расспрашивала Голден-Халлу об острове Этерны, где он, оказывается, работал преподавателем, и что-то мне подсказывало, что сыщик выбирал слова для своего рассказа не менее осторожно, чем я...

– А какими были три самые важные вещи, случившиеся с тобой на Этерне? – спросила я.

Берти задумался, поудобнее устроил на плече ремень сумки, взятой им в Долине Колокольчиков вместо громоздкого саквояжа.

– Хм. Я смог помочь своим студентам. Обрёл лучшего друга. И... – Голден-Халла помедлил. Потом всё же со вздохом закончил: – Потерял женщину, которая была мне очень дорога.

Ох...

– Она умерла, – пояснил Берти. И, поймав мой встревоженный взгляд, покачал головой: – Только не вздумай сейчас корить себя за заданный вопрос. Скорее уж я прошу прощения за откровенный ответ – он был неуместен.

– Уместен, – возразила я. И, помолчав, добавила: – Мне

так жаль, Берти.

– Мне тоже. И с учётом того, что, поговори мы с ней во время, она осталась бы жива... – Пальцы Голден-Халлы сжались в кулак. – Я очень, очень хочу помочь Силграсу, Тинави.

Какое-то время мы шли молча, и только ветер тоскливо нашёптывал нам свою историю. Я вытащила из волос сорванный ветром стебелёк плюща.

– Ненавижу смерть, – сказала я, сдув его с ладони. – Просто ненавижу. И время – ту безжалостность, с которой оно уничтожает всё на свете и не прощает ошибок. Я тоже очень хочу помочь Силграсу, Берти. И из-за того, что как раз ненавистные мне время и смерть – его враги. И из-за того, что сам Силграс – воплощённое одиночество. Знаешь, у меня с детства были прекрасные друзья, но, несмотря на это, мне всегда казалось, что я как-то не вписываюсь, что со мной что-то *не так*, что я не способна достичь настоящей близости с людьми, как бы к этому ни стремилась. Будто между мной и остальными – невидимая стена, слишком большая для того, чтобы я могла разрушить её. Но мне иногда удаётся заглядывать за неё – и это всегда такое счастье... Так вот, мне кажется, у Силграса есть такая же стена. Только в сотни раз выше и толще, чем моя. И сейчас, после всего случившегося, если мы вернём ему дом, он наконец-то сможет увидеть её – и, может, даже разрушить... И я очень, очень хочу, чтобы это случилось. Я болею за него, Берти. И в то же время мне

так горько оттого, что его друг Тофф уже мёртв – и вот этого мы изменить не сможем.

Голден-Халла серьёзно кивнул в ответ на мои слова.

– Я хорошо понимаю тебя, – произнёс он. – И про смерть.

И про эту стену.

Мы продолжали путь.

В какой-то момент нам встретилась птица-сольвегга – судя по всему, как раз та, чьё гнездо мы видели в ущелье. Пламенеющая и огромная, она наискось пролетела над улицей, спугнув призраков Асулена, а потом скрылась где-то в соседнем квартале. При этом выглядела сольвегга очень важно, будто ворочала здесь какими-то серьёзными делами.

Впрочем, возможно, так оно и было. Возможно даже, она считала себя хозяйкой города – и, при отсутствии других кандидатур, имела на это полное право.

Наконец показалась Рассветная башня. Её покосившиеся стены были местами разрушены, а исполинский вход почти доверху засыпало камнями.

– Пип! – торжественно провозгласил снуи, влетел в щель между верхним валуном и притолокой и помахал, подзывая нас.

Мы с Берти забрались туда же, протиснулись сквозь дыру и вздохнули... Из-под груды камней торчала нижняя часть давно пожелтевшего скелета. Неподалёку стоял аккуратный сундук.

– Что ж, время поработать, – Голден-Халла протянул мне

руку, и по скатывающимся и гулко стучащим друг о друга камням мы спустились вниз.

Там, закатав рукава и обнажив запястья с маг-браслетами², Берти склонился над сундуком, а я опустилась на корточки возле скелета. Беззаботный снуи стал наворачивать круги по колокольне, разглядывая сквозь сломанные перекрытия огромный колокол высоко над нами.

– На крышке сундука стоит защитное заклинание, которое поразит любого, кто попробует поднять его, – задумчиво произнёс Голден-Халла. – Придётся немного повозиться.

– Мне тоже. Ведь мы пообещали Силграсу не только привезти кости Хеголы, но и выяснить, как именно он умер. Конечно, самое простое объяснение – попал под завал, но... Возможно, он погиб по другой причине, а потом уже над ним разрушилась часть башни, похоронив под собой. В общем, я поищу зацепки – и соберу кости.

– Отлично. Зови, когда нужно будет откатывать валуны.

И мы занялись каждый своим делом.

Но не прошло и десяти минут, как я раскопала среди камней оторванную кисть скелета. И кое-что в её виде заставило меня сначала недоумённо нахмуриться, а потом...

– Это не Хегола! – заорала я так радостно, что сама от себя не ожидала, и вскочила, торжественно вскинув руку со

² Маги из Асерина носят на запястьях специальные браслеты, которые помогают им накапливать энергию, которую затем они тратят на колдовство. Обычно носят один браслет, но если ты силен, то можешь справиться с двумя, в очень редких случаях – с четырьмя.

своей добычей.

Берти обернулся на меня в некотором изумлении.

– Видишь эти шипы на большом пальце? – Я сунула кости ему под нос. – Это вообще не человеческий скелет! Это был просто гуль!

– Вижу. – Берти сглотнул и аккуратненько отодвинул от себя улику. – Но вряд ли ты ликуешь потому, что помнишь такие детали из курса о нежити.

– Да просто я счастлива, что это не Тофф! В темноте, в одиночестве, под камнями, – это была бы ужасная смерть... И я рада, что, возможно, Хегола умер как-то более... – Мой энтузиазм пошёл на спад. Находка не отменяла самого факта гибели старосты. – Более... спокойно.

Голден-Халла, всё это время продолжавший распутывать чары, вдруг остановился и цепко прищурился, глядя на нити заклинания, висевшие перед ним прихотливым жемчужным плетением.

– Посмотри-ка сюда, Тинави. – Берти показал мне на участок, в котором прямые линии неожиданно складывались в рукописную вязь.

В ней угадывались две буквы: «Х. Т.». Вчера мы с Берти уже видели этот почерк, когда от нечего делать изучали документы Тоффа в Избе-У-Колодца.

– Триста лет назад у колдунов было принято подписывать свои чары. В этом плане совершенно неудивительно, что Хегола Тофф поставил тут автограф. – Берти ловко потянул

несколько ниточек заклинания на себя, и подпись старосты увеличилась, приближаясь к нам. – Странно другое... Догадываешься, что именно?

Я детальнее рассмотрела плетение. Скользящие узлы, одинарная сетка формулы... Минималистичное заклинание из тех, что подвязываются на личную энергию мага.

Стоп.

– Но ведь формулы из этой категории разрушаются сразу после смерти колдуна. – Я так низко склонилась над проклятием, что Берти обеспокоенно схватил меня за шкуру: не дай небо, грохнусь на сундук – и всё, прощай, любопытная Тинави из Дома Страждущих.

– Вот именно, – закивал Голден-Халла. – А заклятие держится вполне себе крепко. И это возможно только в одном случае...

Мы надолго переглянулись.

– В случае, если Хегола Тофф... – ошарашенно начала я.

– ...Всё ещё жив, – закончил Берти.

Он торжественно сделал пальцами такое движение, будто перерезает нитку, и плетение, опутывавшее сундук, тихо растаяло.

Я уже думала, что сейчас мы с Голден-Халлой (определённо воодушевившиеся, мгновенно зацепившиеся даже за такую странную надежду – жив? как он вообще может быть жив?) начнём фонтанировать гипотезами и прямо тут соорудим классическую детективную доску, как вдруг...

Всё пошло не по плану.

Потому что освобождённый от проклятия сундук с какой-то радости решил сам по себе распахнуться. Крышка откинулась, открывая взору десятки стеклянных колокольчиков, лежащих на бордовых подушечках.

И все эти колокольчики дружно зазвенели. Пронзительно. Оглушающе. Абсолютно бесстыже. Их звонкие голоса эхом попрыгали по Рассветной башне, отражаясь от её полуразрушенных стен.

Берти, как лисица, напрыгнул на сундук и захлопнул его.

– Прах! – выдохнул Голден-Халла. Его голос доносился до меня как сквозь слой ваты. – Я надеюсь, от этого звона на нас сейчас что-нибудь не обрушится... Как же это было громко, с ума сойти!

Впрочем, мгновение спустя стало ясно, что это было ещё вполне «умеренно» или даже «тихо». Ведь всё познаётся в сравнении, увы.

...Высоко над нами раздался протяжный скрип, будто зашевелилось нечто очень большое, а потом... А потом такой всепоглощающий «бом-м-м», что по стене побежала очередная трещина.

Глаза у Берти стали воистину ошалевшие, и, думаю, мои – не лучше. Сглотнув, я с опаской подняла голову.

Там, за рядами порушенных перекрытий, огромный колокол Рассветной башни медленно качнулся в обратную сторону...

И снова: *бом-м-м-м-м*.

* * *

Каменный пол задрожал... Мы с Берти охнули. Обсудить было нечего: следовало просто как можно шустрее валить отсюда.

Голден-Халла хрустнул пальцами и развернул бурную магическую деятельность по уменьшению сундука, а я тем временем вскарабкалась на валуны, преграждающие вход, и оттуда протянула ему руку.

– Хватайся!..

Сыщик сунул бывший сундук в карман и, разбежавшись, прыгнул ко мне. Когда он вцепился в моё запястье, мы оба чуть с позором не ухнули обратно.

– Ой! Ты чего такой тяжёлый, Голден-Халла?

– Это не я! – оскорбился Берти. – Это сундук! Какого бы он ни был размера, а весит по-прежнему много! Кто же знал, что души этих крестьян такие неподъёмные. Гршили они, что ли, всю жизнь?..

– Ты хоть бежать-то с ним можешь, чудовище?! – почувствовала я, ящеркой пробираясь наружу.

– Могу! – сосредоточенно пыхтели сзади. – И я не чудовище, эй. Я вполне себе чудо!

– Чудовище – это комплимент.

– С каких это пор?! – опешил Берти.

– Издавна. Меня так мой напарник называет в мои лучшие дни.

– Не хочу тебя расстраивать, Стражди, но твои лучшие дни, видимо, так себе!..

Я что-то тоже вдруг призадумалась.

Так-так. Вернусь – обговорю эту животрепещущую тему с Польшью. Хотя нет. Не обговорю. Мне всё нравится, а с Внемяющего станется сменить обращение.

Мы с Голден-Халлой мчались сквозь Асулен, сотрясающийся от звона. Уже на всех башнях подхватили эту тягучую, скорбную песнь – будто высасывающую из тебя душу. Звук был столь плотным, что на клёнах дрожали красные листья. Стены знаменитых колоколен стремительно зарастали плесенью, а недавние тихие призраки выходили перед нами на дорогу и беззвучно растворялись в воздухе, не сводя с нас укоряющих взглядов.

– Стоп! – вдруг ахнула я. – Берти, а где снуи?!

Нашего мелкого друга и впрямь не было рядом. Помнится, он кружил над нами, когда мы обсуждали сундук, а потом, когда колокол зазвенел, дух оглушительно взвизгнул и... Исчез?

– Боги, я надеюсь, он не взорвался от мощности звука!

– Эм. Я тоже. – Берти аж передёрнуло. – Зато, значит, мы не зря запоминали карту города. Это сейчас пригодится!

– А ты оптимист, Голден-Халла.

– Ничего подобного. Я рациональная сволочь, которая на-

училась управлять фокусом своего внимания. Траур по сну и нам сейчас не поможет. Давай, ещё немного!..

И тут колокола, все как один, затихли.

Наступившая тишина оглушала. Мы продолжали бежать – два хриплых дыхания посреди мёртвых стен. И бешеная надежда – мы обязательно успеем, днём всё это вообще не считается – барабанами стучала у меня в ушах.

Но вот на город накинудся яростный ветер, знаменитые колокольни оказались полностью укутаны чёрной плесенью, а листва на плющах и деревьях превратилась в прах. И тогда из пустых домов Асулена водопадом полились хищные тени... Это были уже не те безобидные привидения, которых мы видели прежде. Нет: теперь к нам жадным потоком стекались плотоядные твари, бич Покинутого Асулена. Узкие, колышущиеся и голодные.

Казалось, кто-то широкой кистью прошёлся по всему миру – затянутый темнотой город невозможно было узнать.

– Переходим к плану Б! – крикнул Берти и сложил пальцы в плетение Божественного Обручённого. Вспышка ярко-белого света и воцарившееся вокруг нас спокойное сияние заставили тени беззвучно завизжать и резко отпрянуть.

Мы с Берти оказались спрятаны в ауре света. Голден-Халла стоял в центре, вытянувшись по струнке и разведёнными руками изо всех сил удерживая своё плетение. Я выхватила из сумки латунную баночку, взятую вчера в бывшем кабинете Силграса, и, развинтив крышку, обмакнула пальцы

в её содержимое. Это была густая краска из особых горных кристаллов и растений, которые применяют в своих ритуалах шаманы скальников и которые хорошо и, главное, долго горят – даже в виде рисунка. Я начертила вокруг нас широкое кольцо.

– Готово!

Берти тотчас отпустил своё заклинание и щелчком поджёг смесь. Ещё одна вспышка! Ровный белый свет Божественного Обручённого сменился густо-фиолетовым пламенем, поднявшимся от земли до уровня моих бёдер. Сквозь него было видно, как одинокие тени облепляют нас всё более тугим и жадным кольцом: это были уже не отдельные твари, а единая чёрная масса без конца и края.

– Так, ну пока что командная работа удаётся нам на славу, – облизнул губы Берти и встряхнул кистями рук. – Хорошо, что мы вчера всё-таки обсудили, что делать в подобном случае – вопреки скучающе-критикующим минам Авалати...

– Ага. – Я не отрывала взгляда от пламени. – Но, кажется, Силграс всё же был в чём-то прав, когда заявлял, что в наших стараниях нет смысла... Берти, тени *уже прорываются*.

И действительно: чем больше хищников становилось снаружи – а они собирались, как на зов маяка, со всего Асулена, – тем хуже было нашему защитному кольцу. Твари давили на него и по чуть-чуть сдвигали. Ещё немного – и либо нарушится целостность линии, либо нас просто сожмёт в

тиски.

– Вот пепел! – Голден-Халла поудобнее закатал рукава плаща. – Ладно, значит, я снова наколдую свет. Будем двигаться вместе с ним.

Я покосилась на его маг-браслеты – уже наполовину пустые. Прах. Ни один маг не может колдовать бесконечно – силы каждого ограничены. В таких мёртвых местах, как Асулен, заклинания даются гораздо тяжелее, и маги выдыхаются быстрее. Берти уже и снимал проклятие, и уменьшал сундук, и сплетал Божественного Обручённого... Вон какие у него синяки под глазами. Боюсь, его надолго не хватит. Пора заклинаний, а дальше – головокружения, кровотечения, ожоги и другие недвусмысленные сигналы от тела: теперь ты колдуешь ценой своего здоровья, пора остановиться, парень, не то умрёшь.

Нужны ещё идеи. Думай, Тинави.

Я огляделась. Нет, до выхода из города слишком далеко – мы сейчас добежали только до того места, где встретили сольвеггу, это всего лишь полпути, и... Хм.

– Берти! У тебя есть монетка?

– Да! Зачем тебе?

– Помнишь, я сказала, что не умею колдовать?..

Голден-Халла кивнул.

В ночь нашего знакомства, через некоторое время после того, как мы оставили пустой кэб на дороге, я вдруг сообразила, что мой спутник наверняка считает меня сильным ма-

гом – каковым и полагается быть любому Ловчему из Лесного королевства. Да и в принципе – любому шолоховцу. Ведь мы – самый волшебный из человеческих народов Лайонассы! У нас даже первоклашки в состоянии загипнотизировать и усыпить учительницу – причём случайно, просто от нежелания сидеть на скучном уроке.

Но я – особый случай. Около трёх лет назад я напрочь потеряла способность к колдовству. И пусть сначала мне казалось, что жизнь моя на этом и закончилась (я тогда как раз получила высшее образование и готовилась к блестящей карьере в Башне магов, которую мне пророчили все вокруг), постепенно выяснилось, что колдовство не настолько уж важно. Магия – всего лишь один из способов управления реальностью, а не смысл всего и вся. А потом и вовсе оказалось, что я потеряла лишь способность к *классическому колдовству*... А бывают и другие его разновидности, очень специфические, которые я с тех пор потихонечку изучаю. В последний год – вместе со своим наставником Анте Давьером. Но объяснять всё это очень долго, поэтому чужакам я обычно просто представляюсь не-магом.

Так что тогда, в горах, я сказала Берти: я не колдую, имей это в виду, прежде чем дальше идти со мной по какому-то крайне сомнительному маршруту. Голден-Халла ответил, что ему не важно, умею я колдовать или нет. Главное, что у нас похожие скорость бега и чувство юмора – а там разберёмся.

– В общем, я не могу применять обычные заклинания, – объясняла я теперь скороговоркой, забирая у Берти монету. – Но мне удаются некоторые древние ритуалы и заговоры, направленные на работу с искрами живых существ.

Голден-Халла удивлённо расширил глаза, в которых явно читалось: «С *искрами*?.. То есть прямо с *душами*? Такие действительно бывают?» – но не стал переспрашивать. Мягко говоря, в окружении теней было не до того.

Под заинтересованным взглядом сыщика, стараясь не отвлекаться на тени, я стала переключать монетку между пальцами по определённой схеме, шепча заговор последовательно на трёх языках: стародольнем, нитальском и шэрхенлинге.

Когда монета прошла полный путь от большого пальца одной моей руки до большого пальца другой, я глубоко вдохнула и плотно закрыла глаза. Звуки, тактильные ощущения, свет, вкус – спасибо, всем до свидания, увидимся позже, сейчас мне нужен покой.

Бум.

В темноте проступили два ярких светящихся сгустка – один прямо во мне, другой – там, где должен стоять Берти. Это были наши искры, их и позволял увидеть заговор. Но я искала третью искру...

Внутренним взором я стала охватывать всё большее пространство вокруг. Пусто-пусто-пусто... Есть! Комок света в трёхстах шагах к западу!

– Берти, через две улицы от нас сидит сольвегга! – Я распахнула глаза. – Давай добежим до неё? Говорят, если их как следует попросить, они разрешают летать на себе! Может, уговорим её унести нас из города? Их язык я знаю, если что!

– Оу. Сколько от тебя информации зараз, в том числе противоречащей предыдущим данным! – хмыкнул-поразился Берти. – Давай. Если что, просто её слегка ошпируем, светящуюся, – и он снова пропел заклятие.

Вокруг нас опять появилась аура. Прямо в ней мы перепрыгнули через фиолетовый огонь и бросились в указанную мной сторону, изо всех сил прорываясь сквозь плотную и жестокую массу теней.

– Левее! – иногда поправляла я, закрывая глаза, чтобы свериться с местоположением птицы. К счастью, сольвегга никуда не спешила, а действие заговора всё ещё продолжалось. – Сократим путь через этот проулок!

Берти кивал, постепенно становясь бледнее, но не подавая виду, как ему тяжело поддерживать мощное заклинание, со всех сторон атакуемое врагами. И вот наконец мы выскочили на нужную площадь.

Там на развалинах дома сидела огромная птица, безмятежно любовавшаяся небом. Уровню её спокойствия можно было позавидовать с учётом того, что небо было вообще-то грозовым, а вокруг чёрной рекой лились тени. Впрочем, они держались на почтительном расстоянии от сольвегги: её светящееся оперение им явно не нравилось.

Мы рванули к птице. Я уже повторяла себе под нос заготовленную просьбу о помощи, но... В итоге мне не довелось поупражняться в прикладном языкознании.

Перед домом, на котором сидела сольвегга, располагалась приподнятая круглая площадка, густо испещрённая письмена́ми – точно такая же, как та, на которой отдыхал наш снуи. Мы запрыгнули на платформу и помчались по ней, как вдруг она засветилась... Одна за другой вспыхнули витиеватые буквы. Потом в воздухе появились и закрутились по часовой стрелке их объёмные близнецы, сотканые из дыма.

Воздух мгновенно стал вязким, будто на полной скорости мы ухнули в воду. Сопротивление оказалось настолько сильным, что я буквально зависла в очередном прыжке, и развевающиеся полы плаща у меня за спиной живописно застыли.

«Так это те самые великаны телепорты?!» – мысленно поразила я, а в следующий момент весь мир завернулся спиралью и исчез.

11. Фиалки и лёд

Нежить – то, что приходит на место умершего. В мертвеца спускается зелёная искра, которая модифицирует его тело и начинает свою нежизнь, в девяноста процентах случаев связанную с утолением вечного голода (гули, упыри и так далее). Изредка встречается разумная нежить: её облик может быть не столь ужасен, а цели – разнообразны, хоть и темны. В Седьих горах разумной нежити больше, чем где-либо ещё в мире. Энциклопедия «Доронах»

Какое-то время я пребывала в абсолютном ничто. Затем вернулось ощущение тела – пугающе слабого и непослушного. Меня мутило; голова шла кругом. Очень хотелось сдохнуть, но репутация не позволяла.

Боги-хранители, ну и телепорт.

После долгих попыток я всё же сумела с трудом открыть глаза. Оказалось, что я лежу на боку на точно такой же белокаменной площадке, как в Асулене. Но вокруг – уже не призрачный город в аварийной ситуации, а летний лес: полуденный, безмятежный.

Вид зелёной листвы меня немного взбодрил. Как говорится, хочешь утешить шолоховца – дай ему ветку. Хочешь наказать шолоховца – протяни ему ветку, а потом забери.

Кроме платформы, вокруг не было ни единого признака

цивилизации. Лишь бесконечные ряды раскидистых дубов и голубоватые силуэты гор вдалеке. Стайка упитанных воробьёв, сидевшая на ближайшем дереве, озадаченно заткнулась при моём пробуждении и в смятении вспорхнула с веток.

– Берти, – кое-как совладав с голосовыми связками, прохрипела я. – Голден-Халла!

Тишина в ответ.

Сжав зубы, я сумела перевернуться. Сначала на спину – привет, небо, – потом на левый бок.

Голден-Халла обнаружился метрах в пяти от меня, на другом конце площадки. Я видела лишь рыжий затылок и выпростанную из-под сбившегося плаща руку с полуразжатыми пальцами. Маг-браслет, болтавшийся на запястье Берти, был совершенно пуст, а кожа вокруг него покраснела, как от ожога.

– Берти! – ахнула я и попыталась встать, но не тут-то было. Пришлось ползти.

Кто бы знал, что пять метров в горизонтальном полуобморочном состоянии – это так много! Воробьи успели вернуться на дуб, из-за одной из колонн показалась любопытная морда лисы, а я всё ползла, и сердце моё захлёстывали волны холода. Ведь телепортация принудительно высасывает из человека энергию, а Берти и без того был измотан колдовством. Что, если мой новый друг... умер?

Я уже была близка – и к Берти, и к истерике, – когда рука

Голден-Халлы дрогнула.

– Жив! – выдохнула я, сама чуть не умерев от облегчения. – Ты как там? Слышишь меня?

Мизинец, безымянный, средний и указательный пальцы сыщика медленно согнулись, а большой, наоборот, распрямился. Затем рука, подрагивая, повернулась так, что этот большой оказался направлен вверх. Универсальный жест, никогда прежде не выполнявшийся с таким трудом.

«Я в порядке».

Оптимист Голден-Халла.

– Держись! – прохрипела я уже куда бойчее, чем прежде. – Я скоро приползу и проконтролирую, чтобы ты не откинулся.

– Вот так... обещание... – слабо рассмеялся он и, кажется, попробовал повернуть ко мне голову, но не смог.

Я преодолела последний метр и сама её развернула, после чего замерла рядышком, истощённая. Физиономия Берти наполнилась скорбью.

– Что с нами стало? – трагически спросил он.

– Ты имеешь в виду глобально или прямо сейчас? Если первое, то не берусь отвечать на столь философский вопрос в столь неподходящих условиях. Если второе – то мы попали в телепорт. – Я уже достаточно очухалась для того, чтобы заняться своим любимым делом: беспечной утешающей болтовней в подозрительных обстоятельствах. – Не знаю, Берти, сталкивался ли ты когда-нибудь с подобным, но так уж

вышло, что я более или менее опытный пользователь. И скажу с уверенностью – это перемещение бьёт все рекорды по уровню паршивости. Впрочем, учитывая, что телепортация здесь со времён великанов, большего ожидать и нельзя было... Удивительно, что он вообще работает. Я не думала, что такое возможно!

– Да уж. Как мы умудрились его разбудить, интересно?.. – пробормотал Голден-Халла и тотчас слабо застонал от очередного приступа головокружения.

Я сочувственно покосилась на него.

– Может, у тебя с собой есть какие-нибудь тонизирующие средства?

– Есть. Но достать из сумки не смогу, руки не слушаются, – поморщился сыщик.

Я же уже вернула себе большую часть дееспособности, а поэтому вальяжно отмахнулась в стиле богатенькой мамочки:

– Предоставь это мне.

Вскоре я влила Берти в рот зелье, пахнущее анисом и зелёным яблоком. Оклемавшись окончательно, мы стали изучать местность. Со скалы, на которую я забралась для лучшего обзора, удалось разглядеть узнаваемый профиль пика Осколрог – на самом горизонте. Значит, мы всё ещё в Седых горах, что хорошо. Но очень далеко от Долины Колокольчиков, что плохо, потому что мы не бешеные собаки, чтобы хладнокровно воспринимать появившийся крюк.

Что касается летнего леса вокруг нас – он был очарователен, но совершенно дик: непуганые животные, отсутствующие тропинки. Мы с Берти снова с сомнением уставились на телепорт.

– Прошло уже больше часа с тех пор, как мы переместились сюда, – задумчиво протянул Берти, перезавязывая свой красный хвостик. – Одинокие тени должны были уgomониться. Может, попробуем ещё разок активировать эту штуку, чтобы вернуться? Не то чтобы я мазохист и вдохновился тем, как нас размотало, но не вижу других хороших вариантов.

Я решительно закатала рукава рубашки:

– Погнали!

Но не тут-то было. Мы опробовали где-то около ста разных способов, однако телепорт так и не ожил. Только на дубах вокруг собралась огромная птичья аудитория, заинтригованная тем, как странно ведут себя чужаки: то пробегают мимо с дикими воплями, то прыгают, пытаясь зависнуть в воздухе, то наколдovывают свет, то ползают по мрамору, шепча: «Включайся, включайся, хороший мой!»

Постепенно начал подступать вечер... Его романтику – окрасившиеся в коралловый цвет гребни гор вдалеке, особую прозрачную тишину, подкрадывающуюся из-за деревьев, – разбавило громкое урчание наших голодных желудков.

Тогда мы с Голден-Халлой поняли: надо что-то менять.

– Давай пойдём в сторону Осколрога, – вздохнула я. – Мо-

жет, успеем до ночи найти какое-нибудь поселение. Как у тебя с госпожой удачей, Берти?

– Отношения «любовь-ненависть», – он хмыкнул. – Сейчас скорее будет второе.

– Почему это?

– Она очень ревнива. Ей не нравится, когда рядом со мной оказываются другие красивые девушки.

– Какой ты галантный, с ума сойти! – я зарделась.

Оглянувшись на прощанье на тихую белую площадку с её таинственным прошлым и непредсказуемым настоящим, мы двинулись прочь.

* * *

Мы шли по вечерней дубовой роще, раздвигая папоротники руками и обсуждая загадку сохранившегося заклинания Хеголы Тоффа. Сундук с колокольчиками так и лежал в кармане у Берти. Он решил оставить его уменьшенным: заклинание всё время тянуло из него немного энергии, но это было лучше, чем таскаться с громоздкой ношей наперевес.

– Та подпись точно принадлежала Хеголе. – Берти побарабанил пальцами по подбородку. – И по ощущениям заклинанию точно не меньше трёхсот лет. Но при этом три века – это слишком долгий срок жизни даже для шолоховцев вроде тебя, что уж говорить о норшвайнцах... Сомневаюсь, что подобный результат Хеголе могли подарить зарядка по утрам

и свежие овощи каждый день³.

– А что, если он стал призраком? – Я, размышляя, грызла сорванную травинку. – Желание однажды всё-таки спасти свою деревню могло якорем привязать его к сундуку.

– Вот именно: будь он призраком, он бы ошивался где-то рядом. И прилетел бы в башню в тот самый момент, когда я посмел коснуться его соковища. Однако пусть у нас пока и нет гипотез о случившемся, я уже до пепла доволен, Тинави. Ведь теперь мы знаем, что личность Хеголы Тоффа, его искра – где-то здесь... Всё ещё в нашем мире, – широко улыбнулся Голден-Халла. – А значит, ещё ничего не кончено. Его история продолжается.

Я кивнула и тоже хотела улыбнуться, а потом поняла, что и так улыбаюсь – уже несколько минут подряд, с самого начала диалога. Вот прах. Моя надежда на лучшее всегда бежит впереди меня... Не обжечься бы однажды.

– Кстати, про искры! – переключился Берти. – Получается, в Асулене ты с помощью монетки почувствовала искру сольвегги? А на Хеголу это не сработает?

– Не-а. Заговор, который я читала, не показывает конкретные искры или, скажем, где чья. Он просто обозначает местоположение всех обладателей искры на небольшом расстоянии вокруг тебя. Его придумали целители-шэрхен в позапрошлом тысячелетии, когда на острове Рэй-Шнарр буше-

³ Коренные жители Шолоха живут примерно по сто восемьдесят – двести лет, тогда как остальные человеческие народы Лайонассы – по сто – сто десять.

вала чума, и они перед тем, как входить в деревни, должны были понять, сколько впереди живых, а сколько – нежити, у которой искра зелёного цвета...

– Ого, – Голден-Халла присвистнул. – А почему ты не можешь использовать обычные заклинания?

– Потому что заклинания работают с энергией бытия *унни*⁴, – объяснила я. – А у меня нет возможности взаимодействовать с ней – так уж вышло. Это долгая история, изобилующая словами «жертва», «дерзость» и «наказание»... Но в мире существует небольшое количество жутко древних заговоров, ритуалов и обрядов, чьё действие направлено не на энергию, а напрямую на *искры*. В прошлом году у меня появился наставник. И вот мы с ним выяснили, что при должной подготовке я могу применять эти ритуалы, представляешь? Ведь с искрами у меня всё хорошо! И в принципе кто угодно ещё тоже может их использовать – если как следует разовьёт свою чувствительность, дисциплину, концентрацию, подучит необходимое количество языков и...

– Кто угодно не сможет, – перебил-резюмировал Берти.

Я рассмеялась:

– Пожалуй, самое сложное в этих ритуалах – найти их и восстановить изначальный смысл, который часто бывает утерян или искажён с течением времени. Из-за того, что в це-

⁴ *Унни* – всепронизывающая энергия бытия, из которой состоит Вселенная. Классическое колдовство зиждется на захвате и преобразовании унни. Но откуда берутся и из чего состоят искры живых существ – то есть души, – никто не знает. Они приходят откуда-то извне и, угасая, уходят неизвестно куда.

лом подобные обряды гораздо менее удобны, чем заклинания, они быстро предавались забвению. Вот я и ищу их: везде – в книгах, в легендах, в песнях... Дело идёт медленно, конечно. Но мне нравится! – закончила я.

– Круто, – восхитился Берти. – Я знаю ещё одного человека, кому бы точно понравилось.

– Дай догадаюсь: Морган?

– О, прах, я что, становлюсь предсказуемым?

Мы вброд перешли небольшую звенящую реку и жадно смели с прибрежных кустов чернику, заставив какого-то оленя грустно орать в отдалении: «Грабят!» Теперь в лесу уже по-настоящему стемнело. Я порадовалась, что бросила в сумку свой маленький аквариум с травой осомой⁵.

Его зеленоватый свет, проснувшиеся в траве светлячки... Всё было очень даже неплохо до тех пор, пока в роще вдруг не поднялся сильный ветер, швырнувший мне в лицо горсть благоухающих фиалок.

А затем пошёл снег. Посреди летней рощи.

Снег – и всё те же фиалки, падающие откуда-то сверху. Ветер набирал силу, закручивался спиралями, раздувая наши с Берти рубахи; вихри из цветов и льдинок так и норовили оцарапать лица; вдалеке слышалась призрачная мелодия скрипки, а по стволам деревьев стремительно поползла

⁵ Аквариумы с волшебной травой осомой – популярный в Шолохе тип светильников. Бывают самых разных размеров и форм, как стационарные, так и переносные.

кружевная изморозь...

– Пепел! А я говорил! – Берти экспрессивно шлёпнул ладонью о лицо. – Удача, ну ты чего?! Тинави хорошая, Тинави тебе не соперница, а ну-ка быстренько передумай, прекрасная моя!..

– Поздно, – траурно сообщила я, хватая сыщика за рукав и кидаясь в гущу деревьев.

– Нет, не поздно! – неожиданно воспротивился он. – Нам ещё может повезти с укрытием! – и сам поднажал, вырываясь вперёд, таща уже меня на прицепе и продолжая что-то там убедительно бормотать.

Мы мчались, не разбирая дороги, а лес вокруг всё глубже затягивало в колдовскую фиалково-снежную бурю...

Это был Искристый Перепляс.

Магическое бесчинство, которое устраивает альва по имени Фиона, она же ледяная леди с лавандовыми глазами, бездушная хозяйка аметистовой звезды. Могущественная сущность в облике прекрасной дамы, которая, в отличие от владыки горных дорог Силля, не тратит своё бессмертие на миленькую человеческую жизнь в деревне, нет...

Леди Фиона любит танцы. Любит надрывный плач скрипок, цветы и лёд. Она живёт на пике Совермор со своими слугами-мертвецами и спускается оттуда, чтобы убийственно-красивым вихрем пройти по Седым горам. Каждый, кто попадает на её сказочный бал – погибает и присоединяется к аметистовому двору.

Говорят, в ночи Искристого Перепляса в дома норшвайнцев нередко стучат их погибшие возлюбленные, просят выйти, попрощаться как следует, раз уж есть возможность. Или же открытым текстом предлагают провести вместе вечность в чертогах ледяной леди – всего один танец, один лёгкий укол холода, подаренная фиалка, и мы будем свободны, сегодня и всегда.

Некоторые соглашаются, даже если заранее готовились к такому визиту, часами репетировали твёрдое «нет». Их можно понять. Мало кто, встретившись с настоящим искушением, ведёт себя так, как рассчитывал, размышляя о нём в безопасности.

Наутро после бала места, где прошёл Перепляс, становятся такими же, как и прежде – Фиона милостива к природе. Но те, кто станцевал при дворе леди, уже никогда не возвращаются домой.

Мы с Берти неслись изо всех сил, а побелевшие дубы тянули к нам свои ветви-когти, пытались остановить... Вскоре колдовская тьма стала настолько густой, а ветер – яростным, что нельзя было больше и шагу сделать – острые ветки будто намеренно пытались выколоть нам глаза и невидимые овраги бросались под ноги.

Берти вдруг остановился и шлёпнул себя по лбу.

– Я совсем забыл, что Морган дал мне артефакт на подобный случай! – шаря по карманам, попытался перекричать вой ветра Голден-Халла. – Вот! Он приведёт нас к ближайшему

жилому дому. Будем использовать?

На ладони Берти лежал стеклянный шарик, который деликатно светился рубиновым цветом и в чьей глубине шевелилось и будто вздыхало золотое сияние.

Это был так называемый «паучок». Подобные артефакты всегда просят плату за своё использование. Она заключается в том, что человек, активирующий его, лишается одного воспоминания. Какого – заранее неизвестно, выбрать нельзя. Лишь в момент расплаты оно на прощанье возникнет у тебя перед мысленным взором, а потом исчезнет, и ты уже не сможешь его воспроизвести, будешь только чувствовать странное почёсывание и «застревание», если начнёшь ощупывать смежные картины памяти.

Рулетка, как в казино. Можешь лишиться какой-то глупости, а можешь – самого дорогого дня в своей жизни.

– Давай я сделаю это! – Я протянула руку.

Ничего. Всё по-настоящему важное мне будет кому напомнить.

– Ну уж нет, драгоценная, – помотал головой Берти, отдёргивая ладонь, и в следующее мгновение, отщёлкнув элемент золотой окаёмки артефакта, уколол палец об обнажившийся шип.

Золотая патока внутри шара взбудораженно зашевелилась, а потом приняла очертания стрелки, как у компаса, и закрутилась на месте. Я внимательно следила за Голден-Халлой. Его лицо приобрело напряжённо-ожидающее, потом

удивлённое и облегчённое выражение. Едва стрелка определилась, застыв в одном положении, как мы, держась друг за друга и пригибаясь от ветра, немедленно двинулись в указанном направлении, позволяя артефакту корректировать путь.

Голден-Халла молчал.

– Хей! Как ощущения, Берти? – Я взволнованно дёрнула его за рукав.

– Странные. И впрямь уже не помню, чего лишился!

– Ну, судя по твоему лицу, это было что-то не очень важное!

– Надеюсь!

И вот впереди, посреди снежно-цветочной хмари, неожиданно показалась хижина.

Дом выглядел... коварно. В нём было что-то тревожащее, заставляющее невольно отступить назад. В голове тотчас промелькнули тексты страшных сказок, которые я с упоением читала в детстве и из которых вынесла три правила: никогда не разделяйтесь с друзьями; не проверяйте, что шуршит в подвале; держитесь подальше от неизведанных хижин в лесу.

Мы с Берти переглянулись.

– Да? – спросил он, явно полный тех же сомнений, и убрал использованный артефакт в карман.

– Да, – сглотнула я.

Впрочем, вблизи хижина оказалась не такой уж подозрительной, хотя, возможно, это планка моих ожиданий совсем упала к тому моменту, когда мы всё-таки добрались до порога.

Потому что Перепляс был прямо здесь, и от его близости кровь стыла в жилах. Стало ненормально холодно, куда холоднее, чем в Долине Колокольчиков. Естественно, мы с Берти не могли тратить время на то, чтобы остановиться и надеть шуфы – и я чувствовала, как острая боль пронзает мои оледеневшие пальцы.

Боги, я ненавижу холод.

Помнится, в дни до моего отъезда в Шолохе было нестерпимо жарко. Все страдали. Горожане бродили по чашобе, бормоча что-то о каре небесной, выбегали на набережные, раскидывая руки и крича ундинам: «Хлещи, хлещи!» (те били хвостами по воде, поднимая тучи брызг), просили в кафе воду только затем, чтобы красиво облиться ею при всём честном народе. И хотя я любила жару, даже для меня это было чересчур. Духота наполняла дом, мысли плавилась, я лежала в самом прохладном углу библиотеки и утешала себя: «Зато не холодно!»

«Зато не холодно!» – сто раз подряд.

Это помогало. Ведь мозг, в сущности, очень просто устро-

ен: если старательно прописывать в нём какую-то мысль, она приживётся.

Сейчас, замерзая вместе с Берти в колдовской буре, я решила применить тот же метод. И когда Голден-Халла обернулся ко мне, чтобы проверить, не расцвели ли у меня на веках фиалки – признак скорой смерти от Перепляса, я героически простучала в его сторону зубами:

– З-з-з-з...

– Что? – Берти расширил глаза. Его ресницы и брови были покрыты инеем.

– З-з-з-зато не холодно...

Он аж подавился. Чокнулась. Небо голубое, она уже чокнулась, как же жаль.

– Тьфу ты! Я имею в виду: зато не жарко!

– Да уж, это определённо плюс, – хмыкнул Голден-Халла, и мы буквально взлетели на крыльцо хижины.

Сколько мы ни барабанили в дверь, никто не открыл, и тогда Берти заклинанием отпер её. Вместе с нами внутрь влетел ворох снежинок и цветов: гиацинты, розы, ирисы, незабудки усыпали пол избушки, а потом растворились без следа.

Перед тем как захлопнуть дверь, я заметила на ней табличку. «Травяного ликёра нет», – гласила она.

Это ещё что значит?

Голден-Халла не дал мне вчитаться: схватил за шкуру, буквально откинул в глубь дома и захлопнул-закрепил дверь заклинанием.

– То ты бредишь, то зависаешь на пороге! – возмущённо всплеснул руками он, а потом начал прыгать и приседать, чтобы согреться.

– Там просто было написано что-то странное!

– Про ликёр-то?.. Я тебе потом расскажу, что это значит. Сейчас главное – двигаться! Холод Перепляса – это жесть, здесь можно и после десятиминутной прогулки умереть, а я меньше всего на свете хочу оказаться заперт с твоим трупом! Давай, Стражди! Упала-отжалась!

Следующие минуты прошли в почти полной темноте. Мы сосредоточенно пыхтели, по-чьяговски «приветствуя солнце» и выполняя другие связки упражнений. Когда кровь снова зациркулировала в венах, я с облегчением растянулась на полу.

– Надо бы свет включить, – философски отметил лежащий рядом Голден-Халла. – Забавно, если всё это время ошалевший хозяин хижины наблюдает за нами из дальнего угла.

– И стыдится высказаться против столь наглого вторжения, ага, – подхватила я, а потом поднялась и на ощупь стала нашаривать на стене выключатель.

Впрочем, быстро выяснилось, что магические сферы и характерный кристалл на стене, позволяющий их зажечь, тут отсутствуют. Мой фонарь с осомой снова пришёл на помощь. С ним нам удалось отыскать несколько ламп и деревянную печь. При свете таинственная хижина оказалась весьма оча-

ровательной.

Это был настоящий домик отшельника: деревянный массивный стол, кресло-качалка, спальное место, обустроенное на печи. По другую сторону от трубы прятался кухонный уголок, где под потолком покачивались пучки засушенных трав: шалфей и зверобой, тимьян и вереск.

На полу обнаружился люк, ведущий в погреб. В нём мы нашли ледник с вяленным мясом, орехи, мёд, а ещё... сливки, козий сыр и хлеб. Всё это, равно как и переброшенная через спинку стула чёрная туника, раскрытая книга и некоторые другие приметы, свидетельствовало о том, что хозяин избушки живёт тут на постоянной основе.

– Прах, Берти, а если он попал в ловушку Искристого Перепляса? – Я с тревогой посмотрела на входную дверь.

Голден-Халла открыл было рот, чтобы ответить, но вместо этого вдруг поперхнулся и указал пальцем на что-то у меня за спиной. Вы даже не представляете, с какой скоростью я обернулась.

На настенном зеркале проступили буквы:

«Не переживайте. Он сейчас далеко и вернётся только завтра».

Текст выглядел так, будто его писали от руки, хотя в хижине не было никого, кроме нас.

«Хотите пить?» – продолжился текст как ни в чём не бывало, и одновременно с этим дверцы подвесного кухонного ящика распахнулись, и оттуда вылетели два стакана и кув-

шин с морсом, судя по характерному цвету – из малины. Один стакан толкнул в грудь меня, другой – Голден-Халлу. Кувшин заметался, не зная, кого обслуживать первым.

Я была слишком удивлена, чтобы что-то сказать. Даже «спасибо» застряло в горле, вырвавшись лишь невнятным мычанием – и невидимый кто-то истолковал это по-своему.

«Хотите есть?»

Прежде чем мне в затылок врезалось блюдо, вылетевшее из погребца, я успела пригнуться и взвыть:

– Подожди! Ничего не нужно, спасибо! Просто скажи: кто ты?

«Я живу здесь».

Берти, тоже оклемавшийся, подошёл к зеркалу.

– Ты, наверное, ниссё – дух, берегущий дом и привечающий гостей? – Сыщик с интересом посмотрел на то, как быстро стираются буквы.

«Нет».

Сложно ставить диагноз по почерку, но, кажется, нашему собеседнику не понравилось это предположение.

«Я не такое ничтожество».

О-о-о, точно не понравилось.

– А кто же ты?

«Призрак. Напарник хозяина дома. Я разрешаю вам переночевать здесь, чтобы вы не погибли в Искристом Переплясе. Ешьте, пейте. В общем... – Место на зеркале кончилось. Невидимая рука резким движением стёрла всё написанное и

крупно, слегка угрожающе вывела: – Располагайтесь».

Располагаться как-то совсем не тянуло. Пусть пишуший на зеркале и не хочет нашей смерти, а всё же достаточно сложно проводить уютный вечер, зная, что за тобой кто-то наблюдает.

– Неуютно как-то, – озвучил мои мысли Голден-Халла.

Мы стали готовить ужин. Вскоре на сковороде зашкварчала рыба, натёртая солью и розмарином. Огонь в печи потрескивал, а целебные травы в нагретом помещении начали источать тонкий и приятный аромат. В противовес этому уюту за окном слышался далёкий серебристый смех и холодная струнная музыка, от которой хотелось плакать. Чтобы заглушить звуки Перепляса, мы с Берти, не затыкаясь, весь вечер болтали о всякой чуши – говорить о важном при неведомом наблюдателе не хотелось.

– Ты обещал рассказать мне про табличку на двери, – напомнила я, когда мы сели за стол.

– Точно, – улыбнулся Берти. – «Травяного ликёра нет»... Ты когда-нибудь слышала о травкёрах?

Я помотала головой.

– Я тоже узнал о них только недавно, от Моргана, – кивнул Голден-Халла. – Травкёры – это один из типов местной нежити, разумный и не очень агрессивный. Внешне травкёры практически неотличимы от нас, но у них есть лисьи уши и хвосты. Встречая одиноких путников и отдельно стоящие дома, они часто спрашивают: «Травяного ликёра нет?» По

какой-то причине каждый травкёр сходит с ума по вкусу традиционных северных настоек, но сам сварить их не может, потому что не в силах коснуться трав, из которых делается ликёр: они целебные, он нечистый, вот такая печальная логика. Так вот проблема в том, что независимо от ответа – предложишь ты травкёру ликёр или нет – он тебя проклянет. Грубо говоря, сам факт разговора с ним – уже проклятие, которое сулит тебе беду в ближайшие недели. Поэтому единственная возможность избежать этой участи – заранее закрепить на доме такую табличку, как здесь, чтобы травкёр, несчастное, по сути, существо, всё сразу понял, оскорбился и ушёл.

– Ого! – Я положила себе на тарелку ещё один картофельный оладушек, чей золотистый бок выглядел пугающе соблазнительно. – Но если в остальном травкёры неагрессивны, неужели никто не оставляет им подношения в виде ликёра? Может, они бы и спрашивать перестали. И, соответственно, проклинять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.